Незнакомцы в поезде

Автор:

[Патриция Хайсмит](#)

Незнакомцы в поезде

Патриция Хайсмит

Звезды мирового детектива

В поезде встречаются два совершенно незнакомых человека. Они вместе ужинают, болтают, выпивают. И тут один из них признается, что уже давно вынашивает мысль об идеальном преступлении. Он знает, как можно совершить убийство, да так, что никто не подкопается. Второму пассажиру эта идея кажется дикой, да и сам попутчик ему не слишком нравится. На следующее утро второй пассажир сходит с поезда, и вчерашний разговор начинает ему казаться лишь дурным сном. Но маховик преступления уже запущен...

Роман «Незнакомцы в поезде», ставший классикой жанра психологического детектива, был экранизирован Альфредом Хичкоком в 1950 году, с Фарли Грейнджером и Робертом Уокером в главных ролях.

Патриция Хайсмит

Незнакомцы в поезде

Patricia Highsmith

STRANGERS ON A TRAIN

First published in 1950

Copyright © 1993 by Diogenes Verlag AG Zürich

© Е. Алексеева, перевод, 2014

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Патриция Хайсмит (1921–1995) – признанная королева психологического детектива, вторая после Агаты Кристи, кто оказал колоссальное влияние на становление и развитие жанра. Хайсмит написала более 20 романов и несколько сборников рассказов. Ее произведения отмечены Гран-при французской детективной литературы и Серебряным кинжалом ассоциации детективных писателей Великобритании.

Патриция Хайсмит – рекордсмен по количеству экранизаций. Ее дебютный роман «Незнакомцы в поезде» был экранизирован Альфредом Хичкоком. В Голливуде готовится ремейк фильма: режиссером выступит Дэвид Финчер, а сценаристом – Гиллиан Флинн (автор романа «Исчезнувшая»). Не менее известные романы Хайсмит о мистере Рипли («Талантливый мистер Рипли» и «Игра Рипли») также экранизированы, главные роли в них исполнили звезды мировой величины Мэтт Деймон и Джон Малкович.

Книги Патриции Хайсмит послужили источником вдохновения для целой плеяды талантливых актеров и режиссеров и проложили дорогу таким известным писательницам в жанре детектива, как Гиллиан Флинн и Пола Хокинс.

Никто не умеет создавать психологическое напряжение более насыщенно и изысканно.

Яростно отстукивая колесами рваный ритм, по прерии мчался поезд. Он притормаживал на станциях, которые делались все мельче и встречались все чаще, нетерпеливо выжидал положенные минуты и вновь продолжал свой натиск. Однако пейзаж за окном на протяжении часов был неизменным – прерия колыхалась огромным буро-розовым одеялом, что встряхивали небрежной рукой. Чем быстрее шел поезд, тем сильнее расходились дразнящие волны.

Гай отвел взгляд от окна и откинулся на сиденье.

Мириам наверняка будет тянуть с разводом. Это в лучшем случае. Она вполне может решить, что ей не нужен развод, только деньги. Удастся ли ему вообще расторгнуть этот брак?

Гай чувствовал, как ненависть парализует его мысли. Все пути выхода из ситуации, казавшиеся такими логичными в Нью-Йорке, теперь превращались в тупики. Там, впереди, уже совсем близко, буквально чувствовалось присутствие Мириам. Мириам розовощекой и веснушчатой, пышущей нездоровым жаром, как прерия за окном вагона. Мириам угрюмой и жестокой.

Он машинально потянулся за сигаретой, в очередной раз вспомнил, что в вагоне нельзя курить, и все же достал. Дважды стукнул ею по циферблату наручных часов, зачем-то посмотрел на время – пять часов двенадцать минут, как будто это имело какое-то значение, – зажал сигарету в углу рта и, бережно прикрывая ладонью огонек спички, закурил. Взгляд карих глаз то и дело устремлялся к окну, на раскинувшуюся за ним своенравную и удивительную прерию. Мягкий воротник рубашки слегка задрался, и отражение в оконном стекле с высоким белым треугольником у лица напоминало силуэт из прошлого столетия. Сходство усиливала и прическа – черные волосы пышной копной лежали на макушке, а сзади были коротко острижены. Прическа вкупе с длинным острым носом придавала профилю Гая решительную целеустремленность, а в фас это впечатление уравнивалось тяжелыми, нависшими бровями, от которых

веяло спокойствием и умением владеть собой. На нем были уже изрядно помятые фланелевые брюки, темный с фиолетовым отливом пиджак, свободно сидящий на худощавой фигуре, и небрежно повязанный шерстяной галстук помидорного цвета.

Вряд ли Мириам собралась бы рожать, если бы этого не хотела. Значит, они с любовником намерены пожениться. Но зачем она потребовала, чтобы он приехал? Для развода его присутствие не обязательно. И почему вот уже четыре дня, с того самого момента, как пришло ее письмо, он не может думать ни о чем другом? В письме было каких-то пять или шесть строчек округлым почерком: Мириам сообщала, что ждет ребенка и хочет встретиться. Ее беременность гарантирует получение развода, почему же он так нервничает? Самым мучительным было подозрение, что в нем говорит ревность: Мириам когда-то вытравила его ребенка и вот теперь собиралась родить от другого. Нет, дело не в этом. Его мучает стыд, только стыд за то, что он любил такую женщину. Он затушил сигарету о решетку радиатора. Окурок вылетел под ноги, и Гай пнул его подальше в угол.

Скоро все наладится. Будет развод, будет работа во Флориде. Руководство компании наверняка утвердит его проект, решение примут на этой неделе. И будет Анна. Они с ней уже могут строить планы на будущее. Больше года он мучительно ждал, когда же случится то, что освободит его, – и вот наконец дождался. Гай ощутил взрыв счастья и расслабился в бархатном кресле. Пожалуй, он ждал этого даже три года. Конечно, развод можно было купить, но он не располагал необходимой суммой. Нелегко начинать карьеру архитектора без постоянного места в фирме. Мириам не требовала, чтобы он содержал ее, зато находила другие способы отравить ему существование. Например, говорила в Меткалфе, что они по-прежнему любят друг друга и Гай заберет ее к себе в Нью-Йорк, как только там устроится. Иногда она писала ему с просьбой прислать денег – понемногу, но это все равно раздражало. Деньги он отправлял, понимая, что с нее станет развернуть против него в Меткалфе военную кампанию, а ведь в этом городе живет его мать.

На сиденье напротив плюхнулся высокий светловолосый молодой человек в ржаво-коричневом костюме и, рассеянно улыбаясь, подвинулся в угол. Лицо у него было бледное, с мелкими чертами, и прямо посреди лба торчал огромный прыщ. Гай отвернулся к окну.

Новый сосед, похоже, не знал, то ли ему подремать, то ли завязать беседу. Его клонило в сон, локоть, на который он опирался, то и дело скользил по подоконнику, но стоило молодому человеку разлепить короткие ресницы, и он снова с рассеянной улыбкой смотрел на Гая покрасневшими серыми глазами. Похоже, он был пьян.

Гай раскрыл книгу, однако сосредоточиться на чтении не смог. Он взглянул на мигающие люминесцентные лампы под потолком, на незажженную сигару в костлявой руке соседа, на монограмму «ЧЭБ», на зеленый шелковый галстук, вручную расписанный пальмами кричащего оранжевого цвета. Долговязая ржаво-коричневая фигура беззащитно обмякла на сиденье, голова запрокинулась, и здоровенный то ли прыщ, то ли нарыв возвышался посреди лба, как горная вершина. Интересное лицо, хотя и непонятно почему. Не юное и не старое, не то чтобы умное, но и глупым не назовешь. Оно постепенно сужалось от высокого, выпуклого лба к впалым щекам и тонкогубому рту, глубоко в синеватых тенях глазниц маленькими раковинами скрывались сомкнутые веки. Щеки были гладкие, как у девушки, – пожалуй, даже как восковые. Слово все возможные изъяны кожи слились воедино и приняли форму этого огромного прыща.

Гай снова попытался читать. На этот раз слова обрели смысл и даже начали понемногу унимать беспокойство. Однако внутренний голос спросил, много ли толку от Платона, когда предстоит иметь дело с Мириам. Гай уже задавался этим вопросом в Нью-Йорке, но все равно взял книгу, старый учебник из университетской программы. Ему хотелось найти для себя в поездке к Мириам хоть что-то приятное.

Он поглядел в окно, увидел свое отражение, опустил торчащий угол воротника. Анна всегда поправляла ему воротник. Гай вдруг почувствовал себя беспомощным вдали от нее. Он поерзал на сиденье и случайно задел вытянутую ногу спящего соседа напротив. Ресницы у того дрогнули, покрасневшие глаза раскрылись, и Гай подумал, что сосед вполне мог все это время наблюдать за ним из-под век.

– Извините, – пробормотал Гай.

– Да ничего. – Сосед выпрямился и резко встряхнул головой. – Где это мы?

- Въезжаем в Техас.

Сосед извлек из внутреннего кармана золотую фляжку, откупорил и любезно протянул Гаю.

- Спасибо, не надо, - проговорил Гай.

Сосед отхлебнул, слышен был плеск жидкости о металлические стенки. Гай поймал неодобрительный взгляд женщины, сидевшей через проход и с самого Сент-Луиса не поднимавшей глаз от вязания.

- Куда направляетесь? - Мокрые тонкие губы изогнулись в улыбке.

- В Меткалф.

- А... Хороший городок. По делу? - Сосед моргал красными глазами, изображая вежливый интерес.

- Да.

- И по какому же?

Гай нехотя оторвался от книги:

- Я архитектор.

- О... Дома, значит, строите?

- Да.

- Я ведь не представился. - Он чуть привстал. - Меня зовут Бруно. Чарльз Энтони Бруно.

Гай коротко пожал ему руку:

- Гай Хэйнс.

- Очень приятно. Вы из Нью-Йорка?

Хриплый баритон звучал фальшиво, словно Бруно говорил только для того, чтобы заставить себя проснуться.

- Да.

- Я сам с Лонг-Айленда. Еду в Санта-Фе отдохнуть. Бывали в Санта-Фе?

Гай покачал головой.

- Там можно расслабиться. - Бруно улыбнулся, обнажив гнилые зубы. - А касаясь архитектуры, дома там в основном индейские.

К ним подошел кондуктор.

- Это ваше место? - спросил он у Бруно.

- У меня купе в соседнем вагоне. - Бруно откинулся на спинку сиденья, всем своим видом показывая, что никуда не пойдет.

- Третий номер?

- Вроде да.

Кондуктор пошел дальше.

- Вот люди... - пробурчал Бруно.

Он оперся локтями на колени и с усмешкой стал глядеть в окно.

Гай хотел бы почитать, однако его отвлекало присутствие соседа - тот явно изнывал от скуки и в любой момент мог продолжить навязываться. Гай раздумывал, не пойти ли в вагон-ресторан, но отчего-то остался на месте. Поезд опять замедлял ход. Заметив, что Бруно собирается что-то сказать, Гай

ретиrowался в соседний вагон и соскочил на гравий прежде, чем состав успел полностью остановиться.

В первую секунду у него перехватило дыхание от ночного воздуха, куда более живого, чем в вагоне, густого и тяжелого от запахов. Пахло нагретым на солнце пыльным гравием, мазутом и горячим металлом. Гаю хотелось есть. Он размеренными шагами прогуливался вдоль вагона-ресторана, сунув руки в карманы и дыша полной грудью, хоть пахучий воздух и был ему неприятен. С юга на горизонте россыпью мерцали огни – красные, зеленые, белые. У Гая промелькнула мысль, что Анна наверняка тоже останавливалась здесь накануне по пути в Мехико. А ведь мог поехать с ней – она предлагала вместе доехать до Меткалфа. Он мог бы даже пригласить ее в свой дом на денек, познакомить с матерью... Если бы не Мириам. Да к черту Мириам, если бы сам он был другим человеком, если бы он мог на все это наплевать. Он рассказал Анне о Мириам почти все, но не хотел, чтобы они встречались. Сама мысль об этом была невыносима. Он хотел поехать один, чтобы спокойно подумать. И что же? Много он надумал? Что толку от размышлений, что толку от логики, если имеешь дело с Мириам?

Кондуктор прокричал, что поезд отправляется; Гай помедлил и в последний момент вскочил на подножку вагона, следующего за рестораном.

Не успел официант принять у него заказ, как в дверях нарисовался тот самый навязчивый сосед. Он нетвердо стоял на ногах, а короткая сигарета в углу рта придавала ему несколько воинственный вид. Гай успел выкинуть его из головы, и теперь долговязая ржаво-коричневая фигура возникла перед ним, как неприятное воспоминание.

Заприметив Гая, Бруно улыбнулся и подвинул себе стул.

– А я уж боялся, вы от поезда отстали, – жизнерадостно сообщил он.

– Мистер Бруно, если вы не против, я бы хотел немного поразмышлять в спокойной обстановке.

Бруно затушил окурок, уже обжигавший ему пальцы, и тупо посмотрел на Гая. Он был пьянее прежнего. На небритых щеках грязными разводами темнела щетина.

– У меня в купе спокойная обстановка. Давайте там и пообедаем. Что скажете?

– Благодарю, я бы предпочел остаться здесь.

– Нет-нет, я настаиваю. Официант! – Бруно хлопнул в ладоши. – Пожалуйста, отправьте заказ этого господина в купе номер три, а мне принесите стейк средней прожарки и яблочный пирог. И еще два виски с содовой, если можно, побыстрее. – Он взглянул на Гая с рассеянной улыбкой. – Идемте?

Поколебавшись, Гай встал и последовал за ним. В конце концов, какая разница? Его все равно уже тошнит от себя и своих мыслей.

Заказывать виски не было никакой необходимости, разве что ради льда и стаканов. Четыре бутылки с желтыми ярлыками стояли рядом на чемодане крокодиловой кожи – единственная аккуратная композиция в форменном бедламе. Чемоданы, сундуки и портпледы громоздились в беспорядке, так что негде было шагу ступить, кроме маленького пятачка в самом центре этого лабиринта. Повсюду как попало валялись вещи – спортивная одежда, теннисные ракетки, набор клюшек для гольфа, пара фотоаппаратов, плетеная корзина с бутылкой вина и фруктами, уложенными на папиросную бумагу цвета фуксии. Сиденье у окна покрывала россыпь книг, журналов и комиксов. Гай также заметил коробку конфет, перевязанную алой ленточкой.

– У меня тут немного... по-спортивному, – констатировал Бруно с внезапным смущением.

– Ничего.

Гай заулыбался. Обстановка купе позабавила его, к тому же ему приятно было находиться в закрытом, уединенном пространстве. Улыбка преобразила его лицо – лоб разгладился, глаза под темными бровями заблестели. Он ловко ступал по лабиринту из чемоданов, осматриваясь с кошачьим любопытством.

Бруно протянул ему теннисную ракетку:

– Новехонькая. Ни разу не касалась мяча. Мать заставляет меня возить с собой это барахло. Надеется, что спорт отвлечет меня от баров. Ну и ладно, зато

всегда есть что заложить, если вдруг деньги кончатся. В путешествиях я предпочитаю пить. Так ощущения богаче, вы не находите?

Принесли виски с содовой в высоких бокалах, Бруно щедро долил их из бутылки с желтым ярлыком.

– Садитесь, – пригласил он. – И пиджак снимайте.

Но оба продолжали стоять в пиджаках. Пару неловких минут они не знали, что сказать друг другу. Гай отхлебнул из бокала теперь практически не разбавленного виски, посмотрел на пол. Подумал, что у Бруно странные ступни. Возможно, дело в ботинках – небольших светло-коричневых ботинках с длинными мысами, такими же вытянутыми, как подбородок хозяина. Выглядели они несколько старомодно. И, вопреки первоначальному впечатлению, вблизи Бруно не смотрелся тощим. Ноги у него были тяжеловесные, да и сложение нехрупкое.

– Надеюсь, вы не в обиде, что я подсел к вам в ресторане? – осторожно спросил Бруно.

– Нет, что вы.

– Мне было одиноко.

Гай заметил, что, конечно, невесело ехать одному в купе, случайно зацепил что-то ногой – как выяснилось, ремешок фотоаппарата «Роллейфлекс». На боку кожаного чехла белела свежая царапина. Гай чувствовал на себе робкий взгляд Бруно. И зачем он только пришел, ясно же, что он умрет здесь со скуки! Надо было оставаться в ресторане. Но тут появился официант с накрытым подносом, разложил откидной стол, и от аромата жареного на углях мяса Гай немного приободрился. Бруно настоял, что счет оплатит он; пришлось уступить. Гаю принесли гамбургер, Бруно – стейк с грибной подливой.

– Что строите в Меткалфе?

– Ничего. У меня там мать живет.

– А, так вы в гости? – Бруно расспрашивал с неподдельным интересом. – Это ваш родной город?

– Да, я там родился.

– Со стороны и не скажешь, что вы из Техаса. – Бруно залил стейк и картошку кетчупом и аккуратно взял пальцами стебелек петрушки. – Давно дома не были?

– Года два.

– А отец ваш тоже там?

– Мой отец умер.

– О... И какие у вас отношения с матерью?

Гай ответил, что хорошие. Вкус виски, хоть Гай и не любил его, был сейчас ему приятен, потому что напоминал об Анне. Если она вообще пила, то исключительно виски, напиток ей под стать – золотой, полный света, настоящее произведение искусства.

– Где вы живете на Лонг-Айленде? – поинтересовался Гай у Бруно.

– В Грейт-Неке.

Анна тоже жила на Лонг-Айленде, только подальше.

– Я зову свой дом конурой, – продолжал Бруно. – Он окружен зарослями собачьего дерева,[1 - Собачье дерево – народное название кизила в англоязычных странах. – Здесь и далее примеч. перев.] и все его обитатели чем-то напоминают побитых собак. Все, вплоть до шофера! – Он вдруг искренне захохотал и опять склонился над тарелкой.

Гай видел только его макушку с редящими волосами и торчащий на лбу прыщ – чудовищно большой и отвратительный прыщ, который как-то не бросался в глаза с момента встречи в ресторане, зато теперь буквально притягивал взгляд.

- И почему же? - спросил Гай.

- Папаша умеет обласкать. Ублюдок... А вот с матерью у меня, как и у вас, все хорошо. Она приедет в Санта-Фе на пару дней.

- Прекрасно.

- Да, прекрасно! - воскликнул Бруно так, будто Гай с ним спорил. - Мы с ней отлично ладим. Сидим болтаем, играем в гольф. Бывает, даже на вечеринках вместе появляемся. - Он хохотнул с немного смущенным, но гордым видом и вдруг показался совсем молодым и неуверенным в себе. - Вам, наверное, смешно?

- Нет, - ответил Гай.

- Одно плохо: своих денег у меня нет. Вообще-то, с этого года я уже должен получать собственный доход, но папаша меня его лишил! Переводит мои деньги себе в казну. Не поверите, денег у меня сейчас не больше, чем во время учебы на всем оплаченном. То и дело приходится у матери сотню просить.

- Ну почему же вы не позволили мне оплатить счет!

- Да нет, я не к тому! Я говорю, меня грабит собственный отец, как вам такое? А ведь это даже не его деньги, это наследство матери!

Он явно ожидал от Гая поддержки.

- А что же ваша мама, почему она не вмешивается?

- Папаша записал все на свое имя, когда я еще ребенком был! - хрипло воскликнул Бруно.

- А... - Гай подумал, что он не первый случайный знакомый, которого Бруно потчует обедом за свой счет и этой историей. - Почему же он так с вами поступает?

Бруно с безнадежным видом развел руками и спрятал их в карманы.

– Говорю же, ублюдок. Все под себя гребет. Заявляет, что ничего мне не даст, потому что я бездельник. Нашел оправдание! Просто он считает, что мы с мамой слишком хорошо живем, и ищет способы, как бы нагреть на нас руки.

Гай представил себе Бруно рядом с матерью, наверняка моложавой светской львицей, которая злоупотребляет тушью для ресниц и, как и сын, умеет покутить.

– А где вы учились?

– В Гарварде. Меня оттуда выперли на втором году. За пьянки и азартные игры. – Бруно передернул щуплыми плечами. – Вы-то небось не из таких. Ну да, я тунеядец, что с того?

Он разлил виски по бокалам.

– Я не называл вас тунеядцем.

– Зато папаша называет. Ему бы благоразумного сыночка вроде вас, все были б счастливы.

– Почему вы решили, что я благоразумный?

– Ну, вы серьезный, профессию себе выбрали, архитектором работаете. А мне вот не хочется работать. Мне это не нужно, понимаете? Я не писатель, не художник, не музыкант. Зачем человеку работать, если нет необходимости? Язвю я себе наживу более приятным путем. Папаша вот уже нажил. Ха! Он все мечтает, что я продолжу его бизнес. А я ему говорю, что его бизнес, любой бизнес – это узаконенное перерезание глоток. Как брак – это узаконенный блуд. Разве я не прав?

Гай бросил на него ироничный взгляд и посыпал солью наколотый на вилку ломтик картошки фри. Он жевал не спеша, получая удовольствие от еды и даже в какой-то степени от общества Бруно – как будто наблюдал представление комедианта на далекой сцене. На самом деле мысли его занимала Анна. Временами мечты о ней, не оставлявшие Гая, казались более живыми и настоящими, чем окружающая действительность, которая лишь иногда

пробивалась в его сознание острыми краями, отдельными картинками – как, например, царапина на чехле дорогой фотокамеры, длинная сигарета Бруно, затушенная в куске сливочного масла, разбитое стекло в рамке отцовского портрета, который Бруно однажды демонстративно вышвырнул из комнаты и теперь гордо этим хвастался... А ведь можно успеть повидаться с Анной в Мехико перед поездкой во Флориду. Если побыстрее утрясти дела с Мириам, полететь в Мехико самолетом, а потом самолетом же добраться до Палм-Бич. Эта идея не приходила в голову раньше, потому что раньше Гай не мог позволить себе такие путешествия. Но если контракт в Палм-Бич с ним все-таки заключат, почему бы и нет?

– Он запер в гараже мою машину! Вы представляете, насколько это оскорбительно? – Голос Бруно сорвался на визгливой ноте.

– Зачем?

– Да просто потому, что она была мне в тот вечер нужна! В итоге меня забрали друзья, так что ничего он не добился!

Гай не знал, что сказать.

– А он что, держит ключи у себя?

– Он забрал мои! Прямо из комнаты! Вот почему он меня так испугался. Даже из дому удрал с перепугу. – Бруно сидел вполоборота и грыз ноготь, тяжело дыша; потные пряди волос топорщились надо лбом, как антенны. – А все потому, что матери не было дома, при ней он бы себе такого не позволил, конечно.

– Конечно, – сам того не желая, эхом повторил Гай.

Весь их разговор был прелюдией к этой истории, в которой Бруно наверняка многое умолчал. Вот что скрывалось за покрасневшими глазами попутчика, за его грустной улыбкой – еще одна история несправедливости и вражды.

– Значит, вы швырнули его фотографию в коридор? – зачем-то переспросил Гай.

– Да, вышвырнул ее из комнаты матери. – Бруно подчеркнул три последних слова. – Он ведь сам ее туда поставил. Мама любит Капитана не больше моего. Капитан!.. Нет уж, брат, я его так не зову!

– Но почему он так себя с вами ведет?

– Не только со мной, с матерью тоже! Он не такой, как мы, – вообще не такой, как нормальные люди! Ему никто на свете не нравится. Он любит только деньги. Он перерезал много глоток и разбогател. Ну да, он умный, признаю. Но совесть у него нечиста. Вот почему он так хочет втянуть меня в свой бизнес – чтобы я тоже резал глотки и чувствовал себя сволочью!

Бруно судорожно сжал кулак, стиснул зубы, закрыл глаза. Гай даже подумал, что он сейчас заплачет, но Бруно разлепил припухшие веки и снова робко улыбнулся:

– Что, навел я на вас тоску, а? Просто хотел объяснить, почему собрался в такой спешке, не подождав маму. На самом деле я веселый парень, честное слово!

– Разве вы не можете уехать от отца, когда пожелаете?

Бруно как будто не сразу понял вопрос, а потом ответил спокойным тоном:

– Конечно могу. Но мне нравится жить с матерью.

«А мать, видимо, не уходит от мужа из-за денег», – предположил Гай и полез в карман.

– Сигарету? – Он протянул Бруно пачку.

Оба закурили.

– Знаете, он тогда сбежал от меня, а до этого, наверное, лет десять все вечера сидел дома. Даже не представляю, куда он пошел. Я был так зол, что вполне мог убить его. У вас никогда не возникало желание кого-нибудь убить?

– Нет.

– А со мной случается. Иногда чувствую, что способен прикончить папашу. – Он посмотрел в свою тарелку, продолжая смущенно улыбаться. – А знаете, какое у него хобби? Вот угадайте.

Гай не хотел угадывать. Он хотел, чтобы его оставили в покое, ему вдруг стало невыносимо скучно.

– Собирает формочки для печенья! – не выдержав, захихикал Бруно. – Честное слово! Они у него всех сортов и калибров – и пенсильванские, и баварские, и английские, и французские, и венгерских целая куча. Ими вся его комната забита. А над письменным столом в рамке висят формочки-зверушки – знаете, такое детское печенье, в коробках продается? Он написал президенту компании, которая их выпускает, и ему прислали весь набор! Век машин, надо же! – Бруно расхохотался и опустил голову.

Гай смотрел на него не мигая. Вид у Бруно был гораздо комичнее того, что он говорил.

– Он печет?

– А?

– Ну, печенье-то он печет?

Бруно загоготал громче прежнего, стянул с себя пиджак и бросил на чемодан. Когда веселье немного улеглось, он сказал неожиданно спокойно:

– Мать всегда его посылает: «Иди поиграй в свои формочки». – Гладкое лицо Бруно покрывал пот, как тонкая пленка масла. – Как вам обед?

– Превосходно, – искренне ответил Гай.

– Слыхали о компании «Бруно трансформинг» на Лонг-Айленде?
Трансформаторы, инверторы, прочая электротехника?

– Да вроде нет.

- Ну, неудивительно. Хотя прибыль у нее немаленькая. Вы вот деньгами интересуетесь?

- Не особенно.

- Извините за вопрос, сколько вам лет?

- Двадцать девять.

- Серьезно? Я бы дал больше. А как по-вашему, сколько мне?

Гай окинул его взглядом и предположил:

- Двадцать четыре, может, двадцать пять.

По правде говоря, он решил польстить: на самом деле Бруно выглядел младше.

- Угадали, двадцать пять. Значит, я все-таки тяну на двадцать пять с таким-то украшением на лбу?

Бруно закусил нижнюю губу, в глазах у него вспыхнул испуг и острый стыд. Прикрыв лоб ладонью, он вскочил и метнулся к зеркалу.

- Я же хотел пластырь наклеить!

Гай попытался заверить его, что ничего страшного, но Бруно продолжал разглядывать прыщ в зеркале, морщась от омерзения.

- Это не обыкновенный прыщ, - изрек он гнусаво. - Это нарыв. Во мне бурлит ненависть, и так она прорвалась наружу. Это испытание Иова!

- Да ну вас, - отмахнулся Гай со смешком.

- Он начал вылезать в понедельник, как раз после нашей ссоры. И с тех пор все растет. Наверняка шрам останется.

– Нет, вряд ли.

– А я говорю – останется. И вот таким красавцем я приеду в Санта-Фе!

Бруно опустился в кресло, сжав кулаки и вытянув в сторону толстую ногу, и погрузился в трагические раздумья.

Гай подошел к сиденью у окна, взял книгу. Книга оказалась детективом – как и все остальные, валяющиеся на сиденье. Шрифт расплывался перед глазами. Похоже, алкоголь сильно ударил в голову. Впрочем, сегодня Гаю было все равно.

– В Санта-Фе я буду кутить на полную катушку, – заявил Бруно. – Вино, женщины, все такое прочее! Ха!

– И что же это – «такое прочее»?

– Что-нибудь. Все и сразу. – Бруно скривил рот в уродливой гримасе, напуская на себя бесшабашный вид. – Я считаю, что в жизни нужно попробовать все возможное. И пожалуй, умереть, попытаюсь совершить невозможное.

Эти слова всколыхнули что-то в душе Гая – на мгновение, пока обычная рассудительность не возобладала.

– Например? – тихо спросил он.

– Например, полететь на Луну. Разогнать автомобиль до рекордной скорости с завязанными глазами. Я, кстати, пробовал. Рекорда не вышло, но до ста шестидесяти разогнался.

– Что, прямо с завязанными глазами?

– А еще я провернул квартирную кражу. – Бруно посмотрел на Гая с непрошибаемым спокойствием. – Вполне успешно.

Гай недоверчиво улыбнулся, хотя слова Бруно звучали весьма убедительно. Этот человек мог быть способен на преступление. Он мог быть сумасшедшим. Хотя нет, скорее отчаянным. Отчаянная скука богачей... Гай нередко беседовал о ней

с Анной. Скука, имеющая силу скорее разрушительную, чем созидательную. Она не реже, чем нужда, толкает людей на злодейство.

– Мне это было нужно не для наживы, – продолжал Бруно. – Я нарочно украл совершенно неинтересные мне вещи.

– И что же вы украли?

– Зажигалку. Модельку автомобиля. Статуэтку с каминной полки. Цветной фужер. Какую-то ерунду. – Бруно пожал плечами. – Я еще никому, кроме вас, об этом не говорил. Я вообще не из болтливых. – Он улыбнулся. – Хотя у вас наверняка сложилось другое мнение.

– И как же вы это провернули? – спросил Гай, затягиваясь.

– Наблюдал за многоквартирным домом в Астории, выбирал время, а потом просто влез в окно с пожарной лестницы. Очень просто. Я это сделал, вычеркнул из списка и подумал: «Ну слава богу».

– Почему «слава богу»?

Бруно застенчиво улыбнулся:

– Да сам не знаю.

Он налил виски себе, потом Гаю. Гай смотрел на его неловкие, трясущиеся руки, которые воровали, на обкусанные до мяса ногти. Неуклюжие, как у младенца, пальцы вертели коробок спичек, пока не уронили его на засыпанный пеплом стейк. Гай размышлял о том, как скучно на самом деле преступление. Как часто оно совершается просто так, без причины. И кто бы мог подумать при взгляде на руки Бруно, на его купе, на его некрасивое, грустное лицо – кто бы мог подумать, что этот человек воровал?

– А вы расскажете теперь о себе? – любезно предложил Бруно.

– Да мне и рассказывать нечего.

Гай достал из кармана пиджака трубку, постучал ею по подошве ботинка, посмотрел на кучку пепла на ковре и тут же забыл о ней. Опыание сильнее давало о себе знать. Мыслями он уже находился в Палм-Бич. Если контракт все же заключат, две недели пролетят незаметно и можно будет приступить к работе. Если повезет, развод не потребует много времени. Перед глазами сама собой, без всякого напряжения памяти, возникла картинка из законченного проекта: невысокие белые дома в окружении зеленых лужаек. Гай вдруг ощутил гордость за себя, глубокое спокойствие и уверенность, что судьба к нему благосклонна.

- Какие дома строите?

- Ну, знаете, в стиле модернизма. Пока спроектировал пару магазинов и небольшой деловой центр.

Гай улыбнулся. Обычно он испытывал легкую досаду и желание закрыться, когда его расспрашивали о работе, но отчего-то сейчас был совсем не против.

- Женаты?

- Нет. То есть да, но мы расстались.

- О... Почему?

- Не сошлись характерами.

- И давно?

- Три года назад.

- А что не разведетесь?

Гай хмуро молчал.

- Она тоже в Техасе? - продолжал въедаться Бруно.

- Да.

- К ней едете?

- С ней я тоже намерен встретиться, чтобы обсудить развод.

Он стиснул зубы, тут же пожалев о сказанном.

Бруно осклабился:

- И что у вас там в Техасе за девицы?

- Хорошенькие. Некоторые.

- Но в большинстве ведь глупые, а?

- И такие встречаются. - Гай с улыбкой подумал, что Мириам, пожалуй, вполне соответствует представлениям Бруно о техасских девицах.

- А ваша жена?

- Довольно симпатичная, - ответил Гай осторожно. - Рыжая. Склонна к полноте.

- А зовут?

- Мириам. Мириам Джойс.

- Хм. Умная или дура?

- Не интеллектуалка. Но я и не искал себе такую.

- И любили небось безумно?

Почему он это спросил? Неужели так заметно? Бруно смотрел цепко, не мигая, не упуская ни одной мелочи, - он будто перешагнул порог усталости, когда сон

необходим, и у него открылось второе дыхание. Гай вдруг понял, что эти серые глаза так пристально следят за ним уже не первый час.

– С чего вы взяли?

– Вы хороший парень. Очень серьезный. И женщины даются вам нелегко, правда же?

– В каком смысле нелегко? – переспросил Гай сердито, хотя в душе был благодарен Бруно.

Попутчик искренне сказал ему то, что на самом деле о нем думал. Гай уже знал, что среди людей это большая редкость.

Меж тем ответа он не дождался. Бруно лишь развел руками и вздохнул.

– Что значит «нелегко»? – повторил Гай.

– Ну, душа нараспашку, большие надежды. А они вас по зубам, да?

– Не совсем так.

Гай почувствовал укол жалости к себе и счел нужным встать, прихватив бокал. Но пройтись в купе было негде. К тому же вагон так трясло, что, даже стоя на месте, с трудом удавалось удерживать равновесие.

А Бруно продолжал смотреть на него, закинув ногу на ногу и подергивая старомодным ботинком. Он то и дело стряхивал сигарету, держа ее над тарелкой. Черно-розовый стейк медленно покрывался слоем пепла. Гай обратил внимание, что дружелюбия у Бруно поубавилось, как только он услышал про жену. Зато прибавилось любопытства.

– И что же, она начала изменять вам?

Проницательность Бруно действовала Гаю на нервы.

- Нет. Это все уже в прошлом.

- Но вы до сих пор состоите в браке? Ведь можно было успеть развестись?

Гаю внезапно стало стыдно.

- Раньше я не особо задумывался о разводе.

- А что теперь?

- Теперь она попросила. Думаю, ждет ребенка.

- О... Ну да, для развода самое время. То есть три года она спала со всеми подряд и наконец кого-то заарканила?

Скорее всего, Бруно попал в точку. И заарканила именно ребенком. Как он смог все это угадать? Наверняка просто распознал в Мириам черты другой женщины - той, кого лично знал и презирал.

Гай повернулся к окну, но не увидел в нем ничего, кроме собственного отражения. Удары сердца сотрясали его тело сильнее вагонной качки. Пожалуй, он так разволновался, потому что прежде еще никому не рассказывал так много о Мириам - даже Анне. Он только не объяснил Бруно того, что Мириам когда-то была другой - милой, верной, одинокой. Она всем сердцем стремилась к нему и к свободе от своей семьи. Завтра он ее встретит, сможет даже коснуться, лишь протянув руку... Впрочем, мысль о прикосновении к ее мягкому телу, некогда такому желанному, стала теперь невыносимой. Гай вдруг почувствовал себя очень несчастным.

- И что же у вас случилось? - мягко спросил голос Бруно за спиной. - Мне правда очень интересно. По-дружески. Сколько ей было, когда вы поженились?

- Восемнадцать.

- И она сразу наставила вам рога?

Гай рефлекторно повернулся, как будто пытаясь заслонить Мириам от нападок.

- Это, знаете ли, не единственное, что может разрушить отношения.

- Но именно это с вами и случилось?

Гай отвел взгляд, чувствуя злость пополам с удивлением.

- Да. - Короткое уродливое слово!

- Знаю я таких, рыжих южанок, - заметил Бруно, ковыряя кусок яблочного пирога.

Гая снова охватил острый и совершенно бессмысленный стыд. Бессмысленный, потому что ни один поступок, ни одно высказывание Мириам не смутило бы и не удивило Бруно. Он, похоже, вообще не умел испытывать удивление, только любопытство.

Бруно глядел в тарелку с видом напускного смирения. Глаза у него расширились и заблестели - насколько это было возможно, принимая во внимание полопавшиеся сосуды и темные круги.

- Законный брак, - проговорил он со вздохом.

Эти слова эхом отозвались в ушах Гая. Они заключали в себе нечто величественное - величие таких изначальных понятий, как «святость», «любовь», «грех». В них был круглый терракотовый ротик Мириам, cedящий: «С чего это я должна перед тобой стелиться?» В них были глаза Анны, когда она сажала крокусы на лужайке и смотрела на него снизу вверх, откидывая волосы со лба. Была Мириам у высокого окна в чикагской квартире, она поднимала свое веснушчатое лицо-сердечко, чтобы взглянуть ему прямо в глаза - как всегда делала, намереваясь солгать. И был Стив с вытянутым лицом и наглой ухмылкой. На Гая нахлынули воспоминания, и ему захотелось вскинуть руки, чтобы отогнать их. Чикагская комната, где все произошло... Он помнил, как там пахло - духами Мириам и нагретой пылью с крашенных батарей. Он отдался воспоминаниям безучастно, впервые оставив попытки изгнать из них лицо Мириам, превратить его в розовую дымку. Что будет, если снова вспомнить, как все было? Придаст ли это ему сил или, напротив, сделает еще уязвимей?

– Я серьезно спрашиваю, что у вас случилось? – настаивал голос Бруно где-то вдалеке. – Вам жалко рассказать? Мне правда интересно.

Стив случился. Гай поднял бокал. Он видел перед собой предвечерний час в обрамлении дверного проема, и картинка была черно-белой, как фотография. В тот день он обнаружил их в чикагской квартире. Тот день в его памяти имел свой собственный цвет и запах, он представлял собой чудовищное произведение искусства. День, навсегда застывший в истории. Или не застывший? Быть может, наоборот, этот день всегда и везде следует за Гаем? Вот же он, прямо сейчас перед глазами. И самое неприятное – Гай чувствовал желание выложить Бруно все, от начала до конца. Излить душу случайному попутчику, который выслушает, посочувствует и забудет. Эта идея сулила ему утешение. К тому же Бруно необычный попутчик. Он достаточно жесток и порочен, чтобы по достоинству оценить эту историю первой любви. Стив был лишь неожиданным ее окончанием, благодаря которому все предшествующие события стали логичными. Он даже не первый, с кем она изменила. Просто в тот вечер двадцатилетнее самолюбие Гая рассыпалось на осколки. Он тысячу раз прокручивал в сознании эту историю, классическую и драматичную из-за его глупости. Его глупость лишь добавляла ей комизма.

– Я хотел от своей жены слишком многого, – проговорил Гай с напускным равнодушием, – безо всяких к этому оснований. А она, как выяснилось, любила быть в центре внимания. Наверное, кокетничать она будет всю жизнь вне зависимости от того, кто с ней рядом.

– Знаю-знаю, эти вечные старшеклассницы. – Бруно махнул рукой. – Не способны даже создать видимость, что принадлежат кому-то одному.

Гай посмотрел на него. Вообще-то, было время, когда Мириам принадлежала только ему. Рассказывать о ней Бруно сразу расхотелось, Гай даже устыдился того, что всерьез об этом думал. А Бруно уже принял равнодушный вид, развалился в кресле и лениво рисовал спичкой узоры в соусе на тарелке. В профиль его рот с опущенными уголками напоминал рот старика, он как бы говорил: мне совершенно неинтересно, я выше всей этой ерунды.

– Мужчин на таких женщин так и тянет, – пробормотал Бруно. – Как мух на помойку.

Шок от слов Бруно заставил Гая отвлечься от воспоминаний.

– Сдается мне, вы и сами пострадали, – заметил он, хотя с трудом мог вообразить Бруно страдающим из-за женщины.

– О, я нет. Папаша мой крутил роман с такой девицей. Тоже рыжая была, Карлоттой звали. – В глазах Бруно вспыхнула ненависть. – Мило, не правда ли? Именно с мужчин вроде него они и кормятся.

Карлотта, значит. Теперь понятно, откуда у Бруно такое презрение к Мириам. Вот ключ ко всей его личности, корень его неприязни к отцу, причина его инфантильности.

– Существует два типа мужчин! – оглушительно провозгласил Бруно и умолк.

Гай случайно поймал взглядом свое отражение в узком зеркале на стене. Заметил, что глаза испуганные, рот сурово сжат. Усилием воли он приказал себе расслабиться. В спину упиралась клюшка для гольфа. Гай провел пальцами по ее гладко отполированной поверхности. Инкрустированное металлом темное дерево напомнило ему нактоуз[2 - Нактоуз – ящик для судового компаса и навигационных инструментов.] на яхте Анны.

– И всего один тип женщин! – продолжал Бруно. – Изменщицы. В лучшем случае она гулящая жена, в худшем – потаскуха! Выбирайте, что вам по душе!

– А как же ваша мать?

– А мать моя – женщина уникальная! Я таких больше не встречал. Ей столько пришлось вынести! Красавица, у нее много друзей среди мужчин, но она себе ничего такого не позволяет.

Воцарилось молчание.

Гай достал очередную сигарету, постучал ею по циферблату часов и обнаружил, что уже половина одиннадцатого. Пора бы уходить.

– И как вы свою жену поймали? – спросил Бруно, пристально глядя на него.

Гай не спеша затянулся.

– Сколько у нее было любовников?

– Немало. То есть пока я не знаю.

Гай едва убедил себя, что может спокойно признаться в этом, но как только слова слетели с языка, в груди возникла сосущая пустота, маленькая воронка – совсем крошечная, однако более реальная, чем воспоминания, потому что он заявил о неверности жены вслух. Что это – гордость? Ненависть? Или просто злость на самого себя и свои бессмысленные страдания?.. Он решил сменить тему.

– Расскажите-ка лучше, что еще вы хотите сделать перед смертью.

– Перед смертью? Нет уж, я пока умирать не собираюсь. Я тут придумал сверхпрочные теннисные ракетки. Могу начать их производство в Чикаго или, например, в Нью-Йорке либо продать кому-нибудь свои идеи. А еще я мастер придумывать идеальные убийства.

Бруно снова посмотрел на него снизу вверх, пристально и как будто с вызовом.

– Надеюсь, то, что вы меня сюда пригласили, никак с этим не связано. – Гай сел в кресло.

– Господи боже мой! Слушайте, Гай, вы мне нравитесь! Ну честное слово!

Грустное лицо Бруно прямо-таки умоляло Гая немедленно заявить об ответной симпатии. Такой покинутый вид, такие несчастные глаза! Гай смутился и стал рассматривать свои руки.

– И что же, все ваши идеи так или иначе ведут к преступлениям?

– Конечно нет! Просто есть вещи, которые мне хочется когда-нибудь сделать. Например, дать кому-нибудь тысячу долларов. Нищему какому-нибудь. Как только у меня появятся собственные деньги, я первым делом так и поступлю. Но вы признайтесь, вам никогда не хотелось что-нибудь украсть или кого-то убить? Наверняка же хотелось! Это со всеми бывает. Вам не приходило в голову, что на войне кому-то нравится убивать людей?

– Нет.

Бруно помедлил.

– Ну конечно, никто не станет об этом трубить, все боятся! Но были же в вашей жизни люди, которых вам хотелось убрать с дороги?

– Нет, – отрезал Гай и вдруг вспомнил: Стив.

Когда-то он и правда задумывался об убийстве Стива.

– Конечно были. – Бруно наклонил голову набок. – По глазам вижу. Почему вы не хотите это признать?

– Может, у меня и случались шальные мысли, но я никогда не планировал воплощать их в жизнь. Не такой я человек.

– А вот тут вы ошибаетесь! Любой человек способен на убийство. В этом деле имеют значение обстоятельства, а вовсе не склад характера. Если человек загнан в угол, его может спровоцировать любая мелочь. Кого угодно. Даже вашу бабулю. Уж поверьте.

– Не согласен, – коротко ответил Гай.

– Ей-богу, я тысячу раз был на волоске от убийства папаши! Вот вам кого хотелось убить? Любовников вашей жены?

– Да, одного из них, – пробормотал Гай.

– И далеко вы зашли в этом желании?

– Никуда я не зашел, я просто об этом подумал.

Он вспомнил бессонные ночи, сотни бессонных ночей. Мысли, что не будет ему покоя, если он не отомстит. Могло ли тогда его что-то спровоцировать?

– Вы тогда были гораздо ближе к убийству, чем можете предположить, – негромко проговорил Бруно себе под нос.

Гай посмотрел на него в замешательстве. Бруно склонился над столом, опустив голову, и в этой позе напоминал кошмарного крупье.

– Вы читаете слишком много детективов, – заметил Гай, сам не понимая, почему сказал это.

– Я их люблю. Они подтверждают, что на убийство способен любой.

– А я не люблю их именно за это.

– Вы не правы! – воскликнул Бруно с возмущением. – А вы знаете, какой процент убийств попадает в газеты?

– Не знаю и знать не хочу.

– Одна двенадцатая часть. Одна двенадцатая! Представляете? А что же остальные одиннадцать? Это убийства обыкновенных людей обыкновенными людьми. Теми, кого полиция и не надеется поймать.

Он хотел долить еще виски, обнаружил, что бутылка пуста, и с трудом встал на ноги. Из кармана брюк он вынул золотой перочинный нож на тоненькой золотой цепочке и принялся вскрывать следующую бутылку. Гай залюбовался красивой вещицей и вдруг подумал, что вот этим перочинным ножичком Бруно может однажды кого-то убить. И наверняка останется безнаказанным – просто потому, что ему будет все равно, поймают его или нет.

Бруно меж тем откупорил виски и с широкой улыбкой повернулся к Гаю.

- А хотите со мной в Санта-Фе на пару дней? Развеетесь!

- Спасибо, я не могу.

- Насчет денег даже не волнуйтесь, я за все заплачу. - Он пролил виски на стол.

- Спасибо, - сдержанно ответил Гай.

Очевидно, Бруно судит о его достатке по одежде. В эту поездку Гай надел свои любимые брюки, серые фланелевые. Он собирался ходить в них в Меткалфе и, пожалуй, в Палм-Бич, если не будет слишком жарко. Он выпрямился и сунул руки в карманы, нащупав в правом дыру.

- Почему нет-то? - Бруно протягивал ему бокал. - Вы мне нравитесь.

- Чем же?

- Вы хороший парень. Порядочный. Я по жизни встречаю много людей, но таких, как вы, - редко. Я вами восхищаюсь!

Выпалив это, Бруно припал к виски.

- Вы мне тоже нравитесь.

- Так поехали! До маминого прибытия дня два-три, делать мне совершенно нечего. Можем повеселиться!

- Позовите кого-нибудь другого.

- Ну вы даете, Гай! По-вашему, я пристаю ко всем подряд, ища себе компанию? Вы мне просто понравились, вот я вас и приглашаю. Хоть на денечек. Рванем туда прямо из Меткалфа. Я даже не поеду в Эль-Пасо, хотя вообще собирался посмотреть Каньон.

- Спасибо, но меня ждет работа, как только я закончу дела в Меткалфе.

– О... – На губах Бруно снова заиграла грустная, восхищенная улыбка. – Что-то строить будете?

– Да, загородный клуб. – Гай сам еще не привык к этой мысли, два месяца назад он и помыслить не мог, что ему доведется проектировать что-то подобное. – Новый клуб «Пальмира».

– Неужели?

Конечно, Бруно слышал о клубе «Пальмира», самом большом в Палм-Бич. Знал он и о том, что владельцы собираются строить новый, а в старом даже лично бывал несколько раз.

– Так это вы его придумали? – Бруно смотрел на Гая почти с мальчишеским благоговением. – А можете нарисовать?

Гай набросал схему нового клуба на обороте его записной книжки и, вняв мольбам, оставил под рисунком автограф. Объяснил, как будет опускаться одна из стен, чтобы превратить весь нижний этаж в единую бальную залу с выходом на террасу, как слуховые окна обеспечат естественную вентиляцию, чтобы обойтись без кондиционеров... Он говорил, не повышая голоса, но чем больше рассказывал, тем сильнее становился его душевный подъем – даже слезы на глазах выступили. Он сам удивлялся тому, что доверяет Бруно самое дорогое – как будто Бруно может в этом хоть что-то понять.

– Звучит потрясно, – заметил Бруно. – То есть именно вы решаете, как все будет выглядеть?

– Нет, решаю не я. Я придумываю, а потом стараюсь умаслить всех, от кого это зависит. – Гай вдруг расхохотался, запрокинув голову.

– Небось скоро станете знаменитым, а? Или вы уже знамениты?

Да, наверняка его фотография попадет в газеты, может, он даже мелькнет в теленовостях... Гай напомнил себе, что проект еще не принят, но он был уверен: примут. Не сомневался в этом и коллега Майерс, с которым они делили офис в Нью-Йорке, и Анна, и мистер Брилхарт. Настолько масштабной работы ему еще

выполнять не доводилось.

- Ну, после этого проекта могу прославиться. Он из тех, что на слуху.

Бруно завел длинный рассказ о своей жизни в колледже, как он чуть не стал фотографом, если бы не помешал отец. Гай не слушал его. Рассеянно прихлебывая виски, он думал о будущих заказах, которые последуют за новой «Пальмирой». Возможно, его пригласят проектировать деловой центр в Нью-Йорке. У Гая была на этот счет одна задумка, и ему не терпелось воплотить ее в жизнь. Гай Дэниэл Хэйнс. Это будет звучное имя. И его перестанет наконец глотать мысль, что Анна богаче его.

- Правда же, Гай? - спросил Бруно.

- Что?

Бруно втянул воздух.

- Я говорю, если жена подложит вам свинью с разводом, если начнет оспаривать его, когда вы будете в Палм-Бич, если с вами из-за этого не захотят связываться, - будет ли это достаточным мотивом для убийства?

- Убийства Мириам?

- Ну да.

- Нет, - отрезал Гай.

Но вопрос заставил его насторожиться. Мириам могла прознать о «Пальмире» от его матери и сделать какую-нибудь гадость - просто из мстительного удовольствия.

- А когда она изменяла, вам не хотелось ее убить?

- Нет. Может, сменим тему наконец?

На секунду Гай увидел перед собой обе половины своей жизни, брак и карьеру, и взглянул на них совсем иначе. Мозг отчаянно боролся, силясь понять, отчего он оказался так глуп и беспомощен в одном и так талантлив в другом. Гай посмотрел на Бруно, который по-прежнему не сводил с него глаз, почувствовал, что сбит с толку, поставил бокал и отодвинул его от себя.

- Наверняка хотелось, - заявил Бруно с пьяной настойчивостью.

- Нет.

Чего Гаю сейчас действительно хотелось, так это выйти подышать, но поезд все мчал и мчал вперед, даже не думая останавливаться. А если Мириам и правда испортит ему репутацию? Все-таки заказчики выбирают человека, который будет жить в Палм-Бич не один месяц и общаться с ними на равных. Им проще нанять кого-то другого. Бруно такие вещи чувствует. Гай утер ладонью взмокший лоб. Он поймет, что у Мириам на уме, только увидев ее с глазу на глаз. Он устал, а когда он в таком состоянии, Мириам способна без труда втоптать его в грязь. Это случалось так часто за те два года, что Гай выживал из себя любовь к ней... От общества Бруно его уже тошнило.

Бруно улыбался.

- У меня много идей, как пришить отца. Хотите послушать?

- Нет, - отрезал Гай и прикрыл ладонью свой бокал, который Бруно собирался наполнить.

- Что вам больше нравится - испорченная розетка в ванной или угарный газ в гараже?

- Да убейте вы его и прекратите об этом болтать!

- И убью, можете не сомневаться! А знаете, что еще я когда-нибудь сделаю? Покончу с собой и обставлю все так, чтобы подозрение пало на моего врага.

Гай посмотрел на него с отвращением. Очертания Бруно постепенно делались нечеткими, он будто рассеивался в воздухе, превращался в бесплотный голос

злого духа. Он объединял в себе все то, что Гай ненавидел и презирал.

– А хотите, я придумаю идеальное убийство вашей жены? Вдруг когда-нибудь соберетесь?

Гай встал:

– Я пойду.

Бруно всплеснул руками:

– Эй! Есть идея! Мы совершим убийства друг за друга! Я убью вашу жену, а вы – моего отца! Мы просто случайные попутчики, ни одна душа не знает, что мы знакомы! Безупречное алиби! Сечете?

Стена перед глазами ритмично пульсировала, готовая расступиться. Убийство. Это слово вызывало дурноту, наводило ужас. Гаю хотелось убежать, вырваться из этого купе, но, как в кошмаре, ноги стали ватными. Он пытался стряхнуть наваждение, понять, что там несет Бруно, – ведь должна быть в его речи какая-то логика...

Желтые от табака пальцы Бруно подрагивали на коленях.

– Железное алиби! – верещал он. – Лучшая идея в моей жизни! Улавливаете? Я обтяпаю свое дело, когда вас не будет в городе, а потом вы, когда не будет меня!

Гай улавливал. Никто никогда ничего не заподозрит.

– Я буду счастлив посодействовать вашей карьере и прервать карьеру Мириам. – Бруно захихикал. – Вы же не станете спорить, что эту женщину нужно остановить, пока она и другим жизнь не угробила. Да сядьте вы, Гай!

Гай хотел сказать, что не считает свою жизнь угробленной, но Бруно не дал ему и рта раскрыть.

– Давайте прикинем – ну, чисто теоретически. Вы ведь сможете? Расскажите мне, где она живет и бывает, я опишу наш дом, да так, что он вам будет как родной! Мы можем даже оставить повсюду свои отпечатки пальцев, чтобы легавых позлить! Конечно, от одного убийства до другого должно пройти несколько месяцев, и нам с вами не следует общаться никоим образом. И дело в шляпе! – Он встал за бокалом, чуть не завалившись навзничь, наклонился к самому носу Гая и проговорил с удушающей уверенностью: – Вы ведь сможете. Все пройдет без сучка без задоринки, я об этом позабочусь.

Гай отпихнул его от себя, сильнее, чем рассчитывал. Бруно отлетел к дальнему сиденью и тут же вскочил как ни в чем не бывало. Гай остро нуждался в глотке свежего воздуха, но, сколько он ни крутил головой, повсюду видел сплошные стены. Купе превратилось в маленький ад. Что он тут делает? Как и когда он успел так напиться?

– Я в вас верю, – мрачно сообщил Бруно.

Гай хотел крикнуть ему: «Да заткнитесь вы со своими теориями!» – однако смог лишь прошептать:

– Мне все это отвратительно.

Узкое лицо Бруно странно исказилось. Сперва на нем возникла удивленная ухмылка, а затем всеведущая гримаса, жуткая и отталкивающая. Бруно пожал плечами и беззлобно сказал:

– Ну ладно. Все равно это отличная идея, и у нас с вами тут идеальный расклад. Идеей я еще воспользуюсь. С кем-нибудь другим, разумеется. Куда это вы?

Гай наконец вспомнил, что в купе есть дверь. Он вышел вон, толкнул следующую дверь и вышел на площадку между вагонами. Холодный воздух хлестнул по лицу, гудок взревел с укоризной. Гай и сам ругал себя на чем свет стоит и очень надеялся, что его вывернет.

– Гай?

Обернувшись, он увидел, как Бруно ужом протискивается в тамбур, еле приоткрыв тяжелую дверь.

- Гай, простите меня.

- Ничего, - быстро ответил Гай, потому что лицо Бруно потрясло его.

В этот миг он и правда напоминал побитую собаку.

- Спасибо. - Бруно склонил голову.

Перестук колес начал замедляться, и Гай чуть не потерял равновесие. К величайшему его облегчению, поезд подошел к станции. Гай хлопнул Бруно по плечу.

- Давайте-ка погуляем и проветримся!

Они вышли из вагона в тишину и полную темноту.

- Что такое вообще?! - проорал Бруно. - Где все фонари?!

Гай посмотрел на небо. Луны тоже не было. Ночная прохлада сковывала движения и бодрила. Где-то хлопнула дверь. В темноте вспыхнула искра и вскоре превратилась в фонарь в руках у мужчины, бегущего к хвосту состава, где квадратом света раскрылась дверь товарного вагона. Гай не спеша пошел в ту сторону, Бруно поплелся за ним.

Где-то далеко-далеко, на черной спине прерии, загудел локомотив, потом звук повторился еще дальше. Звук, знакомый с детства, - прекрасный, чистый и одинокий. Как будто дикая лошадь встряхнула белой гривой. В порыве приятельских чувств Гай взял Бруно под руку.

- Не хочу я гулять! - орал Бруно, вырываясь.

От свежего воздуха он задыхался, как рыба.

Поезд тронулся. Гай затолкал большое, рыхлое тело Бруно в вагон.

– На посошок? – предложил Бруно у своей двери, впрочем, без особого энтузиазма; он уже едва стоял на ногах.

– Спасибо, я не могу.

Зеленые занавески приглушали их шепот.

– Обязательно загляните ко мне утром. Я оставлю дверь открытой. Если не отвечу на стук, просто входите, ладно?

Гай, шатаясь, побрел вдоль зеленых занавесок к своему месту.

Устраиваясь на ночь, он по привычке вспомнил о книге. Его Платон остался в купе у Бруно. Гаю неприятна была мысль, что книга пробудет там до утра и что Бруно может взять ее в руки и открыть.

3

В Меткалфе он немедленно позвонил Мириам. Она предложила встретиться возле школы.

И вот он стоял на краю асфальтированного игрового поля и ждал ее. Конечно же, Мириам опаздывала. Интересно, почему она назначила встречу именно у школы? Потому что это была ее территория? В дни, когда он любил ее, он часто ждал ее здесь.

Над головой простиралось ярко-голубое, безоблачное небо. Накаленное добела солнце изливало сверху расплавленные лучи. Из-за деревьев выглядывала верхушка изящного здания с красноватыми стенами; этого здания не было здесь два года назад, когда он приезжал в прошлый раз. Гай отвернулся. Ни души вокруг, как будто жара заставила людей побросать и школу, и дома. Гай смотрел на широкие серые ступени, ведущие к темной арке школьных дверей. Он помнил слабый запах чернил и старой бумаги, исходивший от потрепанных страниц

учебника алгебры с именем «МИРИАМ», карандашом нацарапанным на боку. На форзаце была нарисована девушка с локонами. Каждый раз, открывая учебник, чтобы решить задачки за Мириам, Гай видел эту картинку. И почему он был так уверен, что Мириам особенная?

Гай прошел через широкие ворота в проволочной ограде, снова посмотрел на Колледж-авеню – и наконец разглядел вдалеке Мириам. Она шла по тротуару под сенью желто-зеленой листвы – шагала своей обычной, ленивой походкой, никуда не торопясь. Светлые поля шляпки обрамляли ее голову, как нимб, пятна света и тени скользили по фигуре. Мириам непринужденно помахала ему. Гай вынул руку из кармана и помахал в ответ. Его, словно мальчишку, вдруг охватила неловкость. Она знала о проекте в Палм-Бич, эта незнакомая женщина под деревьями. Полчаса назад мать призналась, что упоминала об этом в телефонном разговоре с ней.

– Привет, Гай.

Мириам улыбнулась широким ртом и тут же сомкнула губы, накрашенные розовато-оранжевой помадой. Гай помнил, что она стесняется щели между передними зубами.

– Здравствуй, Мириам.

Он невольно окинул взглядом ее фигуру, полную, но без явных признаков беременности, и в голове вспыхнуло подозрение: а не лжет ли она? На ней была яркая, цветастая юбка, белая блузка с коротким рукавом, а в руках она держала большую плетеную белую сумочку из лакированной кожи.

С чопорным видом Мириам уселась на каменную скамью в тени и начала задавать ничего не значащие вопросы о том, как он доехал. Гай заметил, что нижняя часть щек у нее еще больше располнела, и от этого подбородок казался острее, а под глазами появились мелкие морщинки. Было очевидно, что за свои двадцать два года она успела прожить бурную жизнь.

На вопрос Гая она ответила спокойным голосом:

– В январе. Ребенок родится в январе.

Значит, сейчас третий месяц...

- Полагаю, теперь ты хочешь замуж за его отца.

Она слегка отвернулась и опустила глаза. Солнечный луч выхватил самые большие веснушки на ее круглой щеке. Гай наизусть знал их узор, хотя и не вспоминал о нем с тех самых пор, как они с Мириам расстались. Надо же, а ведь когда-то он был уверен, что владеет ею безраздельно, что каждая ее мысль принадлежит ему одному! Ему вдруг подумалось, что любовь – это всегда не более чем иллюзия, правдоподобная, но обманчивая, дразнящая, мучительная. Он не знает ни крупицы того, что происходит сейчас в голове у Мириам. А вдруг так однажды произойдет и с Анной?

- Ведь хочешь, Мириам? – спросил он настойчиво.

- С этим возникли некоторые сложности.

- И какие же?

- Ну, мы хотели бы пожениться в самом скором времени, но пока не можем.

- Вот оно как...

Мы. Гай догадывался, как выглядит ее избранник. Наверняка высокий брюнет с длинным лицом, вроде Стива. Мириам всегда на таких тянуло. Только от такого она согласилась бы родить. А ребенок этот для нее явно желанный. В ней что-то переменялось, и, скорее всего, эта перемена даже не была связана с мужчиной. Просто ей захотелось ребенка. Гай заметил это в осторожности, с какой она присаживалась на скамейку, в отрешенном выражении лица, которое он не раз видел или воображал у беременных женщин.

- С разводом тянуть ни к чему, – сказал Гай.

- Ну, я тоже так считала... до недавнего времени. Я-то надеялась, что Оуэн уже в этом месяце будет свободен от обязательств.

- Ах, так он женат?

- Да, женат, - промолвила она с легким вздохом, почти с улыбкой.

Гай отвел глаза и сделал несколько шагов взад-вперед по асфальту. Все, как он и предполагал. Избранник Мириам не стал бы жениться на ней добровольно.

- И где он живет? Здесь?

- Он живет в Хьюстоне. Может, присядешь?

- Нет.

- Вечно ты мельтешишь туда-сюда.

Гай не ответил.

- Кольцо еще носишь?

- Да.

Мириам имела в виду перстень студенческого братства, который Гай привез из Чикаго. Ей очень нравилось свидетельство, что ее муж - человек с высшим образованием, и она нередко смотрела на перстень с самодовольной улыбкой. Гай спрятал руки в карманы.

- Неплохо бы разобраться с этим вопросом, пока я здесь.

- Я хочу уехать, Гай.

- Чтобы развестись?

Она неопределенно взмахнула куцепалыми руками, и Гай отчего-то подумал о коротких пальцах Бруно. Утром, сходя с поезда, он даже не вспомнил о своем попутчике. И о забытой книге.

- Мне здесь как-то поднадоело.

- Можем развестись в Далласе.

Видимо, ее друзья в Меткалфе знают о беременности, в этом все дело.

- Я бы хотела подождать с разводом. Совсем немножко. Ты не против?

- Мне казалось, скорейший развод в твоих интересах. Он вообще собирается на тебе жениться?

- Он сможет жениться на мне в сентябре. Тогда он будет свободен. Но...

- Что «но»?

Мириам по-детски облизнула верхнюю губу – и Гай сообразил, в какую западню она попала. Она так хотела этого ребенка, что готова была пожертвовать своей репутацией в Меткалфе и выйти за его отца на шестом месяце беременности. Гаю даже стало ее жалко. И тут она выпалила:

- Я хочу уехать отсюда. С тобой.

При этом она сделала такое искреннее лицо, что Гай чуть не забыл, чего на самом деле она от него просит.

- Что тебе надо, Мириам? Денег на путешествие?

Мечтательность в ее серо-зеленых глазах рассеялась, как туман.

- Твоя мать говорит, ты едешь в Палм-Бич.

- Возможно. По работе.

Гай с тоской подумал о «Пальмире». Она ускользала сквозь пальцы.

- Забери меня с собой. Больше я тебя ни о чем не попрошу. Если мы проживем там вместе до декабря, а потом разведемся...

– Вот оно что... – тихо промолвил Гай.

В груди запульсировала боль, как будто разрывалось сердце. Он вдруг почувствовал отвращение к Мириам и ко всем ее друзьям-подружкам, находившим ее привлекательной. Чужой ребенок. Она хочет, чтобы он увез ее с собой и был ее мужем до тех пор, пока она не родит чужого ребенка. И все это в Палм-Бич!

– Если не возьмешь меня с собой, я сама приеду.

– Мириам, я могу подать на развод прямо сейчас. Мне нет нужды дожидаться, пока ты родишь. Я имею на это право по закону. – Голос у Гая дрожал.

– Ты так со мной не поступишь, – возразила Мириам с той смесью мольбы и угрозы, с помощью которой всегда им манипулировала, играя на его любви и нервах.

Он и теперь растерялся. Мириам не ошиблась, он с ней так не поступит. Не потому, что до сих пор ее любит, не потому, что она все еще его жена и он должен защищать ее, а потому, что ему ее жалко и он помнит, как любил ее когда-то. Теперь Гай понял, что жалел ее еще в Нью-Йорке, когда получал письма с просьбами о деньгах.

– Раз так, я просто не поеду в Палм-Бич, – произнес он с ледяным спокойствием. – Смысла нет, если ты собралась за мной увязаться.

Он решил для себя, что с проектом все равно можно распрощаться и торг уже ни к чему.

– Я не верю, что ты откажешься от такой работы, – с вызовом заявила Мириам.

Гай отвернулся, чтобы не видеть ее победную ухмылку, сделал пару шагов по асфальту и гордо поднял голову. Он велел себе не терять самообладания. Что толку от гнева? Мириам не выносила, когда он напускал на себя непрошибаемый вид, она предпочитала громкие сцены. Она и сейчас явно не прочь поскандалить. Его спокойствие бесило Мириам до тех пор, пока она не поняла, какой ценой оно ему дается. Гай знал, что играет ей на руку, но все равно не мог

иначе.

– Работу я еще даже не получил. Я просто сообщу телеграммой, что больше не заинтересован в участии.

Он снова обратил внимание на незнакомое красноватое здание за деревьями.

– И что потом?

– Много чего. И ты об этом не знаешь.

– Сбежишь, значит? Самый подлый выход.

Гай продолжил мерить шагами асфальт. Все-таки у него есть Анна. Пока она рядом, он что угодно вынесет. И надо отметить, он воспринял потерю работы с неожиданным смирением. Не оттого ли, что перед ним сейчас Мириам, символ неудач его юности? Гай прикусил кончик языка. Предчувствие неудачи всегда таилось в душе, как неразличимый изъян в драгоценном камне, и Гай никак не мог его из себя изжить. Неудача даже влекла его – он не раз заваливал экзамены, которые вполне мог бы сдать, и женился на Мириам, хотя друзья и родители с обеих сторон были против. Разве он не понимал, что ничего хорошего из этого брака не выйдет? Теперь же он безропотно отказывается от самого большого проекта в своей жизни. Надо поехать в Мехико, провести несколько дней с Анной. Да, на это уйдут все его деньги, ну и пусть. Он не сможет вернуться в Нью-Йорк и сесть за работу, не повидавшись сперва с Анной.

– Что-нибудь еще? – осведомился он.

– Я все сказала, – выпалила Мириам сквозь щербатые зубы.

4

Он медленно побрел к себе на Эмброуз-стрит. Прошел по тенистой и безлюдной Трэвис-стрит, мимо фруктовой лавки на углу Делэнси-стрит, устроенной хозяевами прямо на лужайке перед домом и оттого похожей на детский магазин.

Из большого уродливого здания прачечной на западном конце Эмброуз-стрит высыпала стайка женщин и молоденьких девушек в белой форме; весело щебеча, они направлялись на обед. Хорошо, что навстречу не попался никто из знакомых. Гая охватили вялость, спокойствие и смирение, и в своем роде он был даже счастлив. Странно, насколько чужой и далекой стала Мириам за пять минут разговора, до чего несущественным стало все, что с ней связано. Теперь Гаю было стыдно за свои переживания в поезде.

– Все хорошо, – с улыбкой доложил он матери, войдя в дом.

Мать встретила его вопросительным движением бровей.

– Ну что ж, я рада.

Она села в кресло-качалку и приготовилась слушать – маленькая женщина со светло-каштановыми волосами, точеным профилем и неумной энергией, которая будто искрила в ее седине. Неизменная жизнерадостность была главным различием между ней и сыном и главной причиной, по которой он отдалился от нее после расставания с Мириам. Гаю нравилось лелеять свои страдания, любовно изучать их со всех сторон, мать же советовала ему плюнуть и скорее забыть.

– Как поговорили? Что-то ты быстро вернулся. Я думала, вы пойдете обедать.

– Нет, мама. – Гай вздохнул и опустился на диван. – Все в порядке, но от проекта в Палм-Бич, видимо, придется отказаться.

– О, Гай! Почему? Мириам... в самом деле беременна?

Новость о Палм-Бич ее немного расстроила, совсем чуть-чуть. Гай про себя порадовался, что мать не подозревает, как много значила для него эта работа.

– В самом деле.

Гай устроился на диване полулежа, опершись затылком на прохладное деревянное изголовье. Он думал о пропасти, разделяющей его собственную жизнь и жизнь матери. Он не посвящал ее в подробности своих отношений с

Мириам. В прошлом его матери было сытое и счастливое детство на Миссисипи, а в настоящем – большой дом и сад, за которыми она увлеченно ухаживала, и толпа друзей в городе, хороших и верных. Разве могла она понять злобную сущность Мириам? Или, например, почему он влачит в Нью-Йорке жалкое существование ради каких-то туманных рабочих перспектив?

– А при чем тут вообще Палм-Бич?

– Мириам хочет поехать туда со мной. Защитить свою репутацию. А я бы этого не вынес.

Гай сжал кулаки. Он вдруг представил Мириам в Палм-Бич, как она знакомится с Кларенсом Брилхартом, управляющим клубом «Пальмира». Однако укрепил его решимость даже не образ Брилхарта, скрывающего свой шок под покровом неизменной любезности, а собственное отвращение к Мириам. Он бы не потерпел эту женщину рядом с собой во время работы над таким проектом.

– Я бы просто не вынес, – повторил он.

Мать промолчала, лишь вздохнула с пониманием. Гай ждал, что она напомнит, как всегда была против их брака, но она воздержалась и кивнула:

– Да, ты прав. Это затянулось бы надолго.

Гай подскочил и взял в ладони ее мягкое лицо.

– Но мне наплевать, мама! – Он поцеловал ее в лоб. – Совершенно наплевать!

– Это я вижу. И почему?

Гай подошел к пианино:

– Потому что я собираюсь в Мехико к Анне.

– Да что ты говоришь! – Она заулыбалась, тут же забыв о тревогах и просто радуясь долгожданному обществу сына. – Ах ты гуляка!

– Хочешь составить мне компанию? – Гай начал играть сарабанду, которую выучил еще ребенком.

– В Мехико?! – переспросила мать с притворным ужасом. – Нет уж, благодарю покорно! Лучше привози ко мне Анну по пути назад.

– Может, и привезу.

Она подошла и несмело положила руки ему на плечи.

– Иногда мне кажется, что ты снова счастлив, Гай. Иногда, в самые неожиданные моменты.

5

Как все прошло? Напиши мне скорее. А лучше позвони. Мы будем в «Рице» еще две недели. Мне тебя ужасно не хватает, как жаль, что мы не могли полететь сюда вместе. Но я все понимаю. Волнуюсь и думаю о тебе каждую минуту, любимый. Скоро все это останется позади. Что бы ни случилось, расскажи мне, и мы смело взглянем в лицо невзгодам. Ты ведь нередко избегаешь этого. Стараешься не смотреть правде в глаза.

Ты так близко, неужели не сможешь выбраться сюда хотя бы на денек? Надеюсь, у тебя найдется время и будет настроение. Я бы так тебе обрадовалась – и вся моя семья тоже, сам знаешь. Милый, мне очень понравился твой проект, я так горжусь тобой, что даже готова смириться с разлукой. Папа тоже в восторге. Мы все время о тебе говорим.

Люблю всем сердцем. Пусть у тебя все будет хорошо.

А.

Гай отправил телеграмму Кларенсу Брилхарту, управляющему клубом «Пальмира»:

В СВЯЗИ С ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ НЕ СМОГУ ВЗЯТЬСЯ ЗА РАБОТУ. ОЧЕНЬ СОЖАЛЕЮ И БЛАГОДАРЮ ЗА ВАШУ НЕИЗМЕННУЮ ПОДДЕРЖКУ. ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ.

Он внезапно подумал о том, что именно будет взято на замену его проекту – бледное подобие работ Фрэнка Ллойда Райта[3 - Фрэнк Ллойд Райт – американский архитектор начала XX века, основоположник направления органической архитектуры, целью которого является гармония зданий с окружающей их средой.] авторства некой компании «Уильям Харкнесс и партнеры». Хуже того, руководство наверняка попросит этого Харкнесса скопировать идеи Гая, и Харкнесс, конечно, не откажется.

Гай телеграфировал Анне, что прилетит в понедельник и останется на несколько дней. И оттого, что впереди его ждала встреча с Анной, ему сделалось все равно, через сколько месяцев или даже лет к нему в руки попадет такая грандиозная работа.

6

В это время в Эль-Пасо Чарльз Энтони Бруно лежал на спине в гостиничной кровати и пытался удержать золотую ручку на своем тонком вздернутом носу. Спать ему не хотелось, а идти гулять по барам не было сил. Весь вечер он предавался размышлениям и пришел к выводу, что в Эль-Пасо ему не нравится. О Каньоне он также остался невысокого мнения. Его гораздо больше занимала идея, пришедшая в голову в поезде. Как жаль, что Гай не разбудил его с утра. Конечно, Гай не из тех, кто может стать надежным сообщником в убийстве, но Бруно он просто нравился. С такими людьми стоит водить дружбу. К тому же он забыл в купе книгу, и следовало ее вернуть.

Вентилятор над головой поскрипывал – у него не хватало одной лопасти. Будь четвертая лопасть на месте, может, было бы легче дышать. В ванной тек кран, ночник со сломанным креплением уныло повис на проводе, на дверце шкафа

красовались отпечатки пальцев. А еще говорят – лучший отель в городе! И почему в гостиничных номерах всегда что-нибудь не в порядке? Бруно решил, что, если ему когда-нибудь попадетс я идеальный номер, он купит эту гостиницу, будь она хоть в Южной Африке.

Он сел на кровати и потянулся за телефоном.

– Дайте межгород. – Он тупо глядел на пятно рыжей грязи, оставленное его ботинком на белом стеганом покрывале. – Грейт-Нек, сто шестьдесят шесть... Да, Грейт-Нек... Лонг-Айленд... Это Нью-Йорк, бестолочь, впервые слышишь?

Не прошло и минуты, как мать взяла трубку.

– Да, доехал. А ты когда, в воскресенье? Ты уж давай не позже... Да, прокатился по Каньону на муле. Он меня чуть не обгадил... Ну, посмотрел я на этот Каньон... Ничего так, хотя цвета какие-то банальные... Ладно, у тебя там как?

Он начал смеяться. Скинул ботинки и завалился с телефоном на кровать, хохоча. Мать рассказывала, как пришла домой, а там Капитан развлекает двух ее друзей, с которыми она познакомилась накануне. И эти друзья подумали, что Капитан ей отец, и вообще ухитрились сморозить не одну бестактность.

7

Приподнявшись на локте, Гай смотрел на адресованное ему письмо, написанное карандашом.

– Когда теперь мне придется будить тебя... – вздохнула мать.

Гай отложил письмо и взял другое, отправленное из Палм-Бич.

– Может, и скоро, мама.

– Во сколько завтра самолет?

- В двадцать минут второго.

Она наклонилась и с ненужным старанием поправила у него в ногах сбившуюся простыню.

- У тебя ведь не найдется времени заглянуть там к Этель...

- Ну конечно, я к ней загляну!

Этель Питерсон, давняя подруга матери, когда-то учила Гая играть на пианино.

Письмо из Палм-Бич было от мистера Брилхарта. Руководство компании решило поручить работу Гаю. Мистер Брилхарт также убедил их в целесообразности слуховых окон.

- Я сварила отличный крепкий кофе. Хочешь позавтракать в постели?

Гай улыбнулся:

- Еще бы!

Он внимательно перечитал письмо мистера Брилхарта, вложил его обратно в конверт и медленно разорвал в клочки. Затем распечатал второе. Оно представляло собой одну страницу, исписанную карандашом. Гай снова улыбнулся, обнаружив внизу пышный росчерк: «Чарльз Э. Бруно».

Дорогой Гай!

Пишет Вам Ваш случайный попутчик. Вы забыли у меня в купе книгу. Нашел Ваш тexasский адрес, полагаю, он еще верный. Книгу выслал почтой. Кстати, почитал немного. Кто бы мог подумать, что у Платона столько диалогов!

Было очень приятно с Вами пообщаться. Надеюсь, что могу считать Вас другом. Буду рад видеть Вас в Санта-Фе, если соберетесь.

Мой адрес: Нью-Мексико, Санта-Фе, отель «Ла Фонда». Пробуду здесь еще по крайней мере две недели.

Все-таки не могу выкинуть из головы нашу идею двойного убийства. Это вполне осуществимо. Вы даже не представляете, насколько я в этом уверен! Хотя знаю, Вам неинтересно.

Кстати, а как все прошло с женой? Пожалуйста, напишите мне. У меня тут тишь и гладь, помимо утраты бумажника (сперли в баре из-под самого носа!), никаких происшествий. Не понравилось мне в Эль-Пасо, уж извините.

С нетерпением жду ответа.

Ваш друг,

Чарльз Э. Бруно

P. S. Простите, что проспал и не попрощался с вами.

Этому письму Гай в какой-то мере даже обрадовался. Приятно было думать, что на свете есть кто-то свободный.

– Яичница с овсянкой! – воскликнул он, когда вернулась мать. – На севере так нигде не готовят.

Он надел свой любимый старый халат, слишком жаркий для такой погоды, и устроился завтракать в постели, раскрыв свежий номер местной газеты и поставив тарелку на поднос с шаткими ножками. Потом принял душ, оделся, будто планировал куда-то идти, хотя идти было некуда. К Картрайтам он заглянул вчера, Питер Риггс, друг детства, уехал работать в Новый Орлеан. Интересно, чем сейчас занимается Мириам? Наверное, красит ногти на веранде или играет в шашки с какой-нибудь соседской девчонкой, которая боготворит ее и стремится во всем ей подражать. Мириам никогда не унывала, если что-то складывалось не так.

Гай закурил.

С первого этажа то и дело доносилось негромкое позвякивание – мать или кухарка Урслин чистила столовое серебро, один за другим перекладывая в кучку чистые приборы.

И почему он не улетел в Мехико сегодня же? Как тоскливо будут тянуться следующие двадцать четыре часа! Наверняка опять зайдет дядя и какие-нибудь подруги матери. Все хотят его увидеть. Не так давно в местной газете вышла статья о нем и его работе, о грантах на учебу, о присужденной ему Римской премии,[4 - Римская премия – французская награда в области искусства. Лауреаты получали возможность проживания и художественного совершенствования в Риме в течение нескольких лет.] которой он не смог воспользоваться из-за войны, о спроектированном им универмаге в Питсбурге и небольшой пристройке к чикагскому госпиталю. В газете все это выглядело впечатляюще. Он даже ощутил прилив гордости за самого себя в тот одинокий день в Нью-Йорке, когда получил от матери письмо с вложенной вырезкой.

Повинуясь внезапному желанию написать Бруно, Гай сел за стол, взял ручку и понял, что писать ему нечего. Он представил, как Бруно в ржаво-коричневом костюме и с ремнем фотоаппарата через плечо карабкается по выжженному солнцем холму в Санта-Фе, чему-то улыбается, демонстрируя гнилые зубы, нетвердой рукой поднимает фотоаппарат и щелкает затвором. Как Бруно сидит в баре с тысячей не заработанных им долларов в кармане и дожидается свою мать. Что Гай мог сказать этому человеку? Он закрыл ручку колпачком и бросил на стол.

– Мама! – позвал он и сбежал вниз по лестнице. – Не хочешь сегодня вечером в кино?

Мать ответила, что на этой неделе ходила в кино уже дважды.

– Ты же никогда этого не любил, – проворчала она.

– А сегодня схожу с удовольствием!

Около одиннадцати вечера зазвонил телефон. Трубку взяла мать и сразу вернулась в гостиную, где Гай сидел в компании дяди, его жены и двух двоюродных братьев, Ричи и Тая.

- Междугородний, - сообщила она.

Гай подумал, что это мистер Брилхарт решил потребовать объяснений. Но из трубки прозвучал другой голос.

- Привет, Гай. Это Чарли.

- Какой Чарли?

- Чарли Бруно.

- О... Добрый вечер. Спасибо, что выслали мне книгу.

- Еще не выслал, но собираюсь. - Как и тогда в поезде, Бруно был весел и пьян. - Ну что, приедете в Санта-Фе?

- К сожалению, не могу.

- А как насчет Палм-Бич? Может, я загляну к вам туда на пару недель? Я бы посмотрел на вашу работу.

- Увы, работа отменилась.

- В самом деле? Почему?

- Возникли некоторые сложности. Я передумал.

- Сложности с женой?

- Н-нет. - Гай почувствовал укол раздражения.

- Она хочет, чтобы вы остались?

- Ну, вроде того...

- Мириам решила поехать с вами в Палм-Бич? - Удивительно, как он запомнил имя. - Значит, вы не развелись?

- Скоро разведусь, - отрезал Гай.

- Да заплачу я за этот звонок! - рывкнул Бруно кому-то и протянул с омерзением: - Ну люди... Послушайте, Гай, так вы отказались от работы из-за нее?

- Не совсем. Неважно, вопрос уже решен.

- Чтобы получить развод, вам придется ждать, пока она родит?

Гай не ответил.

- Ах, значит, этот тип не хочет на ней жениться?

- Ну... да, он...

- То есть да? - цинично бросил Бруно, не дав ему закончить.

- Я не могу сейчас говорить, у меня гости. Желаю вам приятной поездки, Чарли.

- А когда сможете? Завтра?

- Завтра меня здесь не будет.

- А... - растерянно выдохнул Бруно.

Гай хотел бы думать, что он и правда растерялся. Но Бруно тут же продолжил вкрадчивым тоном:

- Если хотите, чтобы я что-нибудь сделал, просто дайте знак.

Гай нахмурился. Он не забыл идеи Бруно о двойном убийстве.

- Ну так что, Гай?

- Ничего. Мне ничего не нужно. Вы поняли?

Он уверил себя, что Бруно пьян и только впустую хорохорится, так что не стоит принимать его слова за чистую монету.

- Гай, я серьезно. - Бруно с трудом ворочал языком.

- Всего хорошего, Чарли. - Гай ждал, когда Бруно повесит трубку.

- Непохоже, что все хорошо.

- Вас это никак не касается.

- Га-ай! - слезно взмолился Бруно.

Гай открыл рот, но тут в трубке что-то щелкнуло, и связь прервалась. Гай чуть не попросил телефонистку перезвонить, однако остановился. Пьяная удаль, подумал он. И скука. Ему было неприятно, что Бруно узнал его адрес. Пригладив волосы, он вернулся в гостиную.

Все, что Гай рассказал сейчас о Мириам, не имело никакого значения по сравнению с тем, что он идет рядом с Анной, держит ее за руку и шуршит гравием под ногами. Вокруг все было чужим и незнакомым - широкий ровный

проспект Пасео-де-ла-Реформа с огромными деревьями, как на Елисейских Полях, статуи генералов на постаментах, незнакомые здания вдалеке. Анна шла рядом, опустив голову, почти в ногу с его медленными шагами. Они соприкоснулись плечами, и Гай повернул голову в надежде, что сейчас Анна заговорит, одобрит его решение, но она все молчала, сжав губы. Ее белокурые волосы, подхваченные серебряной заколкой, лениво колыхались на ветру.

Вот уже второе лето Гаю удавалось полюбоваться на нее тогда, когда солнце лишь начинало золотить ее лицо и цвет ее кожи почти совпадал с цветом волос. Скоро ее волосы станут светлее лица, но пока она была словно отлита из белого золота.

Поймав его взгляд, она улыбнулась с едва различимой тенью самодовольства.

- И ты уверен, что не смог бы ее там потерпеть?

- Уверен. Не спрашивай почему. Не смог бы, и все.

Анна продолжала улыбаться, хотя в глазах у нее отразилось легкое замешательство – пожалуй, даже раздражение.

- Жаль отказываться от такого проекта.

Гай в душе уже распрощался с «Пальмирой», и теперь ему было досадно лишний раз обсуждать свое решение.

- Я ее просто ненавижу, – тихо проговорил он.

- Ненависть – очень дурное чувство.

Гай отмахнулся:

- Я ненавижу ее уже за то, что мы сейчас здесь говорим о ней!

- Прекрати!

– Она собрала в себе все, что достойно ненависти, – продолжал Гай, глядя прямо перед собой. – Иногда мне кажется, что я ненавижу весь мир. Непорядочность, бессовестность... Именно таких, как она, люди имеют в виду, утверждая, что Америка никогда не повзрослеет, что в Америке процветает порок. Она из тех, кто смотрит пошлые фильмы, играет в них, читает журналы про любовь, живет в одноэтажном домишке и заставляет мужа работать на износ, чтобы покупать и покупать в рассрочку, разбивает семью соседей...

– Хватит! – воскликнула Анна, отшатнувшись. – Ну что ты как маленький!

– И мне противно вспоминать, что я когда-то любил ее, – закончил Гай.

Они с Анной остановились, глядя друг на друга. Он должен был признаться в этом здесь и сейчас. Он хотел добавить ее неодобрение к своим несчастьям, возможно, даже хотел, чтобы она развернулась и ушла. Такое уже случалось, когда он вел себя глупо.

Анна ответила тоном, который всегда пугал его, – холодным и отстраненным, словно была готова покинуть его навсегда.

– Порой мне кажется, что ты ее до сих пор любишь.

– Прости меня, – проговорил Гай с улыбкой, и Анна смягчилась.

– Ах, Гай... – Она снова протянула ему руку. – Когда же ты повзрослеешь?

– Я где-то читал, что с эмоциональной точки зрения человек никогда не взрослеет.

– Мне все равно, что за ерунду ты читал. Люди взрослеют. И я костыми лягу, но тебе это докажу.

Гаю вдруг стало хорошо и спокойно.

– А о чем еще мне теперь думать? – спросил он, понизив голос.

– О том, что совсем скоро ты будешь от нее свободен, вот о чем!

На верху одного из зданий виднелся большой розовый знак, Гаю вдруг захотелось спросить у Анны, для чего он там. Ему захотелось спросить, почему рядом с ней все становится простым и понятным, но гордость не позволила ему задать этот вопрос. К тому же вопрос все равно был риторический, ответ на него Анна не смогла бы облечь в слова, потому что сама была на него ответом. Так сложилось с их первой встречи, когда Гай увидел ее в тусклом освещении подвального этажа Нью-Йоркского института изящных искусств. Дождливый днем он притащился туда и не нашел ни одной живой души, кроме фигуры в красной китайской накидке с капюшоном. У нее он и спросил дорогу. Накидка повернулась и сообщила: «В аудиторию девять-а можно попасть с первого этажа. Так что зря вы сюда залезли». И рассмеялась так весело, что он почему-то вспыхнул от злости. Потом он понемногу научился улыбаться ей, преодолевая робость, и презрительно поглядывал на ее новенький зеленый автомобиль с откидным верхом. «Живя на Лонг-Айленде, начинаешь понимать необходимость автомобиля», – отвечала на это Анна. Впрочем, в те дни Гай на все смотрел презрительно. На те или иные курсы он записывался с одной целью: убедиться, что знает больше преподавателя, а если нет, то стремился как можно скорее заполнить пробел в знаниях и уйти. «Ты думаешь, кто-то поступает сам, без связей? Не волнуйся, если окажешься бездарем, тебя выкинут в первый же семестр!» Наконец она его убедила, и Гай на год пошел учиться в престижную архитектурную академию в Бруклине. Отец Анны знал кого-то в тамошнем руководстве.

– Я знаю, что ты способен, – произнесла вдруг Анна, нарушив молчание, – способен быть просто ужасно счастливым.

Гай кивнул, хотя Анна на него не смотрела. Ему стало стыдно. Анна умела быть счастливой. Она была счастлива теперь, была счастлива до встречи с ним, и лишь он и его проблемы могли хоть на мгновение омрачить ее счастье. Он знал, что тоже будет счастлив рядом с ней, и уже говорил ей об этом, но повторить сейчас не мог.

– Что это? – спросил он, глядя на большое круглое здание из стекла под деревьями парка Чапультепек.

– Ботанический сад.

Внутри не было никого, даже зрителя. В воздухе пахло теплой сырой землей. Они с Анной обошли сад, читая таблички с непривычными названиями растений, будто появившихся с другой планеты. Анна показала ему свое любимое – она наблюдала за его ростом три года подряд, каждое лето приезжая сюда с отцом.

– Не могу запомнить ни одного названия, – пожаловалась она.

– А к чему их запоминать?

Обедали в «Санборнс» с матерью Анны, а после прошлись по универмагу, пока миссис Фолкнер не захотела прилечь. Она была худая, нервная, энергичная женщина, такая же высокая, как Анна, и столь же привлекательная для своего возраста. Гай успел привязаться к ней, потому что она привязалась к нему. Поначалу он воображал себе, что богатые родители станут непреодолимым препятствием на пути к счастью с Анной, но опасения ничуть не оправдались и перестали занимать его мысли. Они вчетвером пошли на концерт во Дворец изящных искусств, а затем устроили поздний ужин в ресторане «Леди Балтимор» через дорогу от отеля «Риц».

Фолкнеры выразили сожаление, что Гай не сможет провести лето с ними в Акапулько. Отец Анны, занимавшийся международной торговлей, хотел построить склад в тамошних доках.

– Разве заинтересуешь его каким-то складом, если он будет строить целый загородный клуб, – заметила миссис Фолкнер.

Гай не ответил. Он не мог встретиться взглядом с Анной. Они решили пока не сообщать родителям о его отказе от проекта, хотя бы до отъезда. Только куда ему теперь ехать? Может, в Чикаго, поучиться там месяц-другой? Квартиру в Нью-Йорке он освободил, пожитки свои сдал на хранение, и хозяйка готова пустить следующего жильца. Если он отправится в Чикаго, то увидит великого Сааринена в Эванстоне и молодого Тима О'Флаэрти, архитектора еще малоизвестного, но, по мнению Гая, подающего большие надежды. Может, в Чикаго и работа найдется. Мысль о Нью-Йорке без Анны приводила Гая в уныние.

Миссис Фолкнер положила руку ему на локоть и засмеялась.

– А еще он не улыбнется, даже если ему поручат перестроить весь Нью-Йорк. Правда, Гай?

Гай не вникал в беседу. Он думал после ужина погулять с Анной, но она очень хотела похвастаться шелковым халатом, который выбрала для кузена Тедди и намеревалась завтра же отправить почтой. Пришлось идти к Фолкнерам в номер, а потом для прогулок было уже слишком поздно.

Гай остановился кварталах в десяти от «Рица», в отеле «Монте-Карло» – большом, выдавшем виды здании, напоминающем резиденцию отставного генерала. К входу вела широкая подъездная дорога, выложенная черно-белой плиткой, как в ванной комнате. Плитка лежала и на полу большого полутемного фойе. Там был также бар, похожий на пещеру, и вечно пустой ресторан. Внутренний дворик обрамляла потемневшая от времени мраморная лестница, и когда накануне Гай поднимался по ней за носильщиком, разглядел многих постояльцев через открытые окна и двери – играла в карты японская пара, женщина молилась на коленях, кто-то писал письмо, а кто-то просто застыл, как пленник в камере. Над этим местом нависала мрачная суровость и неосязаемое присутствие чего-то сверхъестественного. Гаю здесь сразу понравилось, хотя Фолкнеры, включая Анну, над ним из-за этого подшучивали.

Мебель в его дешевом маленьком номере была выкрашена в розовый и коричневый, кровать напоминала осевший пирог, а туалет располагался в коридоре. Где-то в глубине патио непрерывно журчала вода, и время от времени доносился шум сливного бачка.

Придя сюда от Фолкнеров, Гай положил наручные часы, подарок Анны, на розовую тумбочку, ключи и бумажник – на поцарапанный комод, как сделал бы дома. Он с удовольствием забрался в постель, прихватив мексиканские газеты и книгу по английской архитектуре, обнаруженную в книжном магазине «Аламеда». После недолгой борьбы с испанским он откинулся на подушку и обвел взглядом негостеприимную комнату, слушая крысиную возню многочисленных соседей, доносящуюся со всех концов здания. Почему ему здесь так хорошо? Возможно, он нарочно хотел погрузиться в такие скверные, неуютные, унижительные условия, чтобы мобилизовать в себе новые силы? А может, он просто чувствовал, что надежно скрыт здесь от Мириам? Ведь разыскать его в таком месте куда сложнее, чем в отеле «Риц».

На следующее утро позвонила Анна и сообщила, что на его имя пришла телеграмма.

– Я случайно услышала, как тебя пытаются найти в списке постояльцев. Они уже думали оставить эту затею.

– Ты не могла бы прочесть? – попросил Гай.

Анна прочла:

– «У Мириам случился выкидыш. Расстроена и хочет тебя видеть. Ты можешь приехать? Мама». О, Гай...

Гаю стало от всего этого тошно.

– Она нарочно вытравила ребенка.

– Откуда тебе знать? – возразила Анна.

– Я знаю.

– Может, ты все-таки туда съездишь?

Гай стиснул телефонную трубку:

– Я намерен вернуть себе «Пальмиру». Когда отправлена телеграмма?

– Девятого числа. Во вторник, в четыре часа пополудни.

Гай немедленно послал телеграмму мистеру Брилхарту с просьбой снова рассмотреть свою кандидатуру. Он не сомневался, что проект ему дадут, но каким же он себя выставил ослом! И все из-за Мириам. Ей же он написал:

Это меняет планы для нас обоих. Не знаю, как поступишь ты, но я собираюсь немедленно подать на развод. Приеду в Техас через несколько дней. Надеюсь, к

этому времени ты будешь хорошо себя чувствовать. Если нет, я разберусь со всеми формальностями без твоего присутствия.

Желаю скорейшего выздоровления.

Гай

P. S. Можешь писать по этому адресу до воскресенья.

Письмо он отправил срочной авиапочтой и сразу же позвонил Анне. Он хотел поужинать с ней в самом лучшем ресторане города, но прежде перепробовать все самые экзотические коктейли в баре отеля «Риц».

- Ты правда счастлив? - спросила Анна, смеясь, как будто не могла поверить ему.

- Да, я счастлив. Все это так... странно.

- Почему?

- Потому что не ожидал. Не думал, что это моя судьба. Я про «Пальмиру».

- А я думала.

- Да что ты!

- Конечно! Почему же еще я вчера так на тебя разозлилась?

Он не ожидал ответа от Мириам, но в пятницу утром, когда они с Анной поехали в Сочимилько, что-то дернуло его позвонить в отель и узнать, нет ли сообщений. Действительно, телеграмма. Гай сказал, что скоро приедет забрать ее, повесил трубку, однако не утерпел - едва вернувшись в центр Мехико, снова позвонил в отель из аптеки на площади Сокало. Клерк прочел ему телеграмму: «Надо поговорить. Приезжай быстрее. С любовью, Мириам».

– Теперь начнет суетиться, – пояснил Гай Анне. – Непохоже, что любовник жаждет вступить с ней в брак. Он уже женат.

– О...

Гай посмотрел на Анну, хотел поблагодарить ее за терпение к нему, к Мириам, ко всей неприятной истории, но лишь улыбнулся.

– Давай забудем об этом, – попросил он и ускорил шаг.

– Ты сегодня едешь?

– Нет, конечно! Может, в понедельник или во вторник. Я хочу побыть с тобой. Во Флориде меня ждут только через неделю – если, конечно, не изменили планов.

– А Мириам?

– Через неделю у Мириам на меня не останется никаких прав.

10

В номере отеля «Ла Фонда» в Санта-Фе Элси Бруно сидела перед трюмо и салфеткой снимала с лица остатки ночного крема для сухой кожи. Иногда она чуть наклонялась вперед, с отсутствующим видом изучая «гусиные лапки» вокруг больших голубых глаз и мимические морщинки, расходящиеся от крыльев носа. Хотя подбородок у нее был довольно скошенный, нижняя часть лица с полными губами выдавалась вперед, совсем не так, как у сына. Элси думала, что только в Санта-Фе можно заметить свои мимические морщинки издали, не приближаясь носом к самому зеркалу.

– Ну тут и освещение, – пожаловалась она сыну. – Прямо рентген.

Бруно, еще в пижаме и с опухшими глазами, развалился в кожаном кресле. Он посмотрел в сторону окна, но сил, чтобы встать и опустить шторы, у него не

было.

– Ты хорошо выглядишь, – проскрипел он, отхлебнул воды из стакана, стоящего на безволосой груди, и глубокомысленно сдвинул брови.

Вот уже несколько дней в мозгах у него прокручивалась одна идея – самая грандиозная и притягательная из всех, когда-либо приходивших ему в голову. Она была как громадный орех в трясущихся лапках белки. Как только мать уедет, он расколется этот орех и возьмется за дело со всей серьезностью. Он доберется до Мириам. Время пришло, час пробил. Гаю это нужно именно сейчас. Всего несколько дней, может, неделя – и «Палм-Бич» будет потерян для него навсегда. Бруно такого не допустит.

Элси думала о том, что в Санта-Фе у нее пополнели щеки. Это особенно бросалось в глаза в сравнении с маленьким, аккуратным носом. Элси улыбнулась своему отражению, скрыв мимические морщинки, потрянула светлыми кудрями и взмахнула ресницами.

– Чарли, а не купить ли мне сегодня тот серебряный пояс? – спросила она между прочим, будто говоря сама с собой.

Пояс стоил двести пятьдесят с лишним, но Сэм ведь пришлет еще тысячу в Калифорнию. А пояс очень красивый, в Нью-Йорке такого не найдешь. В Санта-Фе можно купить хорошее серебро, больше это место ни на что не годится.

– Больше этот человек ни на что не годится, – пробормотал Бруно.

Элси взяла шапочку для душа и обернулась к сыну со своей обычной, широкой улыбкой, лишенной полутонов.

– Милый?

– М-м?

– Ты ведь тут без меня не наделаешь глупостей?

– Нет, мам.

Нацепив шапочку на макушку, она посмотрела на свои длинные алые ногти и потянулась за пилочкой. Конечно, Фред Уайли вприпрыжку поскакал бы покупать для нее этот пояс, он наверняка явится на вокзал с чем-нибудь чудовищным и вдвое более дорогим. Но ни к чему давать ему повод тащиться за ней в Калифорнию, а он ведь так и сделает, если почувствует хотя бы тень намека. Нет уж, пусть лучше поклянется в вечной любви на вокзале, смахнет слезу и поедет к женошке домой.

- Хотя вчера с ним было даже весело. - Элси продолжала озвучивать поток своих мыслей. - Фред первым заметил быка.

Она расхохоталась. Пилочка так и летала туда-сюда в ее пальцах.

- Я к этому не имею никакого отношения, - спокойно отметил Бруно.

- Ну конечно, милый! Конечно, не имеешь!

Бруно скривил рот. Мать разбудила его в четыре утра, чтобы, заливаясь истерическим смехом, рассказать одохлом быке на площади Плаза. Бык в шляпе и пальто восседал на скамейке, глядя в газету. Шуточка вполне в духе Уилсона. Бруно подумал, что Уилсон весь день только об этом и будет говорить, пока ему не придет в голову занятие еще глупее. Накануне в отельном баре «Ла Пласита» Бруно продумывал убийство - а Уилсон в это время наряжалдохлого быка. Уилсону, даже когда он распинаялся о своих военных похождениях, не хватало духу соврать, что он убил кого-нибудь, хотя бы япошку. Бруно прикрыл глаза, удовлетворенно вспоминая прошлый вечер. Около десяти Фред Уайли с толпой поддатых лысых приятелей ввалился в «Ла Пласита», прямо как герой мюзикла со товарищи, и увел мать на какую-то вечеринку. Бруно тоже звали, но он сослался на встречу с Уилсоном, ему хотелось спокойно пораскинуть мозгами. Вчера он твердо решил: да, он это сделает. Он всерьез размышлял об этом с прошлой субботы, с того самого разговора с Гаем, и вот прошла ровно неделя, завтра мать уезжает в Калифорнию, так что завтра или никогда. Ему надоело мучиться сомнениями - сможет он или нет. Сколько уже он задается этим вопросом? Дольше, чем себя помнит! Сейчас Бруно был уверен в своих силах. Внутренний голос подсказывал ему, что обстоятельства сложились идеально, другого такого шанса не будет. Чистое убийство, лишенное каких бы то ни было личных мотивов! Бруно не считал за мотив возможность того, что Гай в благодарность убьет его отца, - он просто в нее не особо верил. Может, Гая

удастся заставить, может, нет. Главное, настало время действовать. Вчера он позвонил Гаю на всякий случай – убедиться, что тот еще в Мехико. Трубку взяла его мать, она подтвердила, что Гай в отъезде с воскресенья.

Бруно было тяжело дышать, словно кто-то давил ему пальцем на основание горла. Он машинально потянулся ослабить ворот, но вспомнил, что на нем распахнутая пижама, и принялся рассеянно застегивать пуговицы.

– Может, все-таки составишь мне компанию? – спросила мать, вставая. – Я бы тогда доехала до Рино. Там сейчас Хелен. И Джордж Кеннеди.

– Ты же знаешь, есть лишь одна причина, по которой я хотел бы увидеть тебя в Рино.[5 - Рино – город в штате Невада, в 30–50-х годах XX века известный как «столица разводов». В 1931 году в штате были законом установлены самые либеральные в стране условия для оформления развода. Чтобы развестись по этим правилам, жителям других штатов достаточно было прожить в Неваде шесть недель. В Рино оформление разводов превратилось в бизнес, предприимчивые жители устраивали специальные «ранчо для разводов», где постояльцы могли выждать необходимый срок.]

– Чарли... – Она чуть склонила голову набок. – Ну потерпи. Мы же здесь только из-за Сэма.

– Нет, не только.

Мать вздохнула:

– Значит, не поедешь?

– Мне здесь нравится! – со стоном выпалил Бруно.

– Нравится? – Мать изучала свои ногти. – Я только и слышу, как тебе тут скучно.

– Мне наскучил Уилсон. Больше я с ним встречаться не стану.

– Ты, случаем, не намерен сбежать обратно в Нью-Йорк?

- Да что я буду делать в Нью-Йорке?

- Бабушка очень расстроится, если ты в этом году опять набедокуришь.

- Когда это я бедокурил?! - спаясничал Бруно слабым голосом.

На него вдруг накатила такая дурнота, что умереть впору. Это ощущение было ему не в новинку, и продолжалось оно всего минуту, но Бруно взмолился про себя: «Только бы она не предложила позавтракать до отъезда, только бы не произнесла само слово „завтрак“». Он напряженно застыл, боясь пошевелить хоть мускулом, и едва дышал приоткрытым ртом. Зажмурив один глаз, он следил, как мать приближается к нему в голубом шелковом халате, подперев рукой один бок, и смотрит на него так, будто видит насквозь... Впрочем, нет, ничего она не видит - она даже ни капельки не сощурилась и вообще улыбается.

- Ну? Что вы с Уилсоном замышляете?

- С этим придурком?

Мать села на подлокотник его кресла:

- Парень умеет перетянуть все внимание на себя. - Она потрепала сына по плечу. - Пожалуйста, не делай совсем уж больших глупостей, милый. Я стеснена в средствах и не смогу за тобой подчистить, если что-нибудь натворишь.

- А ты заставь его еще раскошелиться. Пусть и мне тысячу отстегнет.

- Милый... - Она положила ему на лоб прохладные пальцы. - Мне будет тебя не хватать.

- Я наверняка приеду туда послезавтра.

- Давай повеселимся в Калифорнии!

- Ладно, ладно.

- Ну почему ты с утра такой бука?

- Я не бука, мам.

Она убрала с его лба свисающую прядь волос и удалилась в ванную.

Бруно подскочил и крикнул, стараясь перекрыть шум воды:

- Мам, я тут сам заплачу по счету, деньги у меня есть!

- Что, мой ангел?

Пришлось подойти к двери и крикнуть еще раз. Потратив на это все силы, Бруно снова рухнул в кресло. Он не хотел, чтобы мать узнала о его звонках в Меткалф. Если не узнает - никаких проблем. Она не особенно-то расстроилась, узнав, что он решил тут задержаться. То есть могла бы расстроиться и посильнее. Может, все-таки решила поехать с этим болваном Фредом? Бруно с трудом заставил себя встать, чувствуя нарастающую неприязнь к Фреду Уайли. Хотел бы он объяснить матери, что остается в Санта-Фе для величайшего в своей жизни дела. Знай она хоть малейшую долю его намерений, она бы не наливала сейчас ванну, не обращая на него никакого внимания. Хотел бы он сообщить ей, что очень скоро их жизнь изменится к лучшему, потому что он готов сделать первый шаг к избавлению от Капитана. Даже если Гай откажется выполнить свою часть уговора - не важно. Главное, что, убив Мириам, он подтвердит свою правоту. Идеальное убийство возможно. И однажды ему подвернется кто-то, кто согласится пойти на такую сделку. Бруно опустил голову. Разве можно поделиться этим с матерью? Она и слушать не захочет об убийствах. Она воскликнет: «Какой ужас!» С тоской и болью он смотрел на дверь ванной. До него дошло, что он никогда никому не сможет об этом рассказать. Никому, кроме Гая. Бруно сел.

- Ну ты и соня!

Мать хлопнула в ладоши у него перед носом. Бруно заморгал и улыбнулся. Мать поправляла чулки, и он с грустью подумал: как много всего произойдет, прежде чем он снова увидит ее ножки. У нее были такие стройные ножки, Бруно всегда ими гордился. Самые красивые на свете, несмотря на возраст. Не зря ее выбрал сам Зигфелд,^[6] - Флоренз Зигфелд - американский импресарио начала XX века,

знаменитый серией шоу-варьете «Безумства Зигфелда» на нью-йоркском Бродвее.] уж он знал толк в женских ногах. А потом она вышла замуж и вернулась к той самой жизни, от которой когда-то бежала. Ничего, скоро он освободит ее, хоть она пока об этом не знает.

- Не забудь отправить.

Бруно вздрогнул при виде двух гремучих змей у себя над лицом. Это был подарок Капитану – вешалка для галстуков, сделанная из коровьих рогов и украшенная чучелами двух маленьких гремучих змей, скалящих друг на друга зубы по бокам от зеркала. Капитан ненавидел всякое барахло вроде вешалок для галстуков, ненавидел змей, собак, кошек, птиц... Хотя что он вообще любил? Словом, эту пошлую вешалку он возненавидел бы с первого взгляда, именно поэтому Бруно убедил мать купить ее ему в подарок.

Долго ее убеждать не пришлось.

Бруно нежно улыбнулся гремучим змеям.

11

Он зацепился носком за треклятую брусчатку, с чувством собственного достоинства встал на ноги, заправил рубашку в штаны. Хорошо, что он потерял сознание в переулке, а не на людной улице. Его ведь могла подобрать полиция, и тогда он опоздал бы на поезд. Бруно остановился, полез за бумажником и стал панически шарить по всем карманам, заподозрив пропажу. Но нет, бумажник нашелся. Руки дрожали, так что он с трудом различил время отправления – десять часов двадцать минут. На уличных часах десять минут девятого. И сегодня воскресенье. Да, конечно, воскресное утро, все индейцы нарядились в чистые рубахи. Он настороженно смотрел по сторонам – не крутится ли где неподалеку Уилсон. Хотя Уилсона вчера нигде не было видно, да и вряд ли он выйдет в такую рань. Ни к чему Уилсону знать, что он уезжает из города.

Перед ним внезапно раскинулась шумная Плаза – куры, дети, старики, по обыкновению завтракающие кедровыми орешками. Он остановился и сосчитал

колонны Губернаторского дворца – просто чтобы убедиться, что сумеет досчитать до семнадцати. Сумел. Похоже, эта шкала измерения трезвости уже никуда не годилась. Мало того что он страдает жутким похмельем, у него еще и все тело ломит после сна на треклятой брусчатке! И зачем было вчера столько пить?! Бруно задавался этим вопросом почти со слезами. Просто он остался один, в таких случаях он всегда пьет больше, чем следовало бы. Да какая разница! Он помнил гениальную мысль, озарившую его накануне за просмотром игры в шаффлборд[7 - Шаффлборд – игра, в ходе которой участники передвигают шайбы по размеченному полю на столе или на полу с помощью кия или клюшки соответственно.] по телевизору: на этот мир надо смотреть пьяными глазами. Мир создан так, чтобы лишь пьяный мог узреть его в истинном свете. На трезвую голову все куда хуже. Вчера он отмечал свой последний вечер в Санта-Фе, а сегодня едет в Меткалф и должен быть трезв как стеклышко. Но какое похмелье нельзя исправить рюмкой-другой? Впрочем, похмелье может даже сыграть ему на руку – в таком состоянии он обычно делает все осторожно и тщательно. Ничего конкретного он пока не запланировал, но собирался заняться этим в поезде.

– Почта есть? – машинально спросил Бруно у портье и получил отрицательный ответ.

Он торжественно принял ванну, заказал в номер горячий чай и сырое яйцо, чтобы сделать отрезвляющий коктейль, раскрыл шкаф и долго стоял перед ним, размышляя, что бы надеть. Выбор пал на ржаво-коричневый костюм – в честь знакомства с Гаем. К тому же костюм не сильно притягивал взгляд. Сама судьба, не иначе, заставила его в тот день одеться именно так!.. Бруно вылил яйцо в стакан, сбобрив перцем, солью и острым соусом и проглотил. Сумев удержать эту смесь в себе, он расправил плечи – но тут индейский декор номера, дурацкие оловянные лампы и тряпки на стенах вдруг сделались ему невыносимы, и его снова затрясло от желания поскорее собрать вещи и сбежать. Хотя какие вещи? Ему ничего не нужно. Только листок бумаги, на котором он записал все, что знал о Мириам.

Бруно вытащил листок из чемодана и сунул во внутренний карман пиджака. Жест вышел очень внушительным, как у настоящего делового человека. Он расправил белый носовой платок в нагрудном кармане, вышел из номера и запер дверь. Можно успеть вернуться завтра до ночи, если проверить все сегодня вечером и сразу сесть на обратный поезд.

Сегодня вечером!

Бруно дошел до автовокзала и сел на автобус до железнодорожной станции Лейми. Вопреки ожиданиям, он не чувствовал ни радости, ни волнения, ни мрачной решимости – ничего. Бледное, осунувшееся лицо вдруг стало совсем мальчишеским. Неужели что-то лишит его удовольствия? Но что? Каждый раз, когда речь заходит о его страстных желаниях, кто-то или что-то все портит. Нет уж, на этот раз все будет иначе. Бруно заставил себя улыбнуться. Наверное, все дело в похмелье, именно похмелье рождает сомнения. Он зашел в бар, купил у знакомого бармена бутылку на пятую часть галлона, [8 - 1/5 галлона примерно равна 750 мл.] наполнил флягу. Спросил пустую пивную бутылку, чтобы перелить остальное, но такой у бармена не нашлось.

В Лейми Бруно направился напрямик на вокзал, помахивая завернутой в бумажный пакет полупустой бутылкой. У него не было с собой даже оружия. Он напоминал себе, что надо продумать план, хотя чутье подсказывало ему, что излишнее планирование в этом деле только во вред. Взять, к примеру...

– Эй, Чарли! Ты куда это?

Уилсон. И с ним целая компания. Бруно заставил себя пойти им навстречу со скучающим выражением. Похоже, они только с поезда – вид у них был усталый и потрепанный.

– Ты где пропадал два дня? – спросил Бруно Уилсона.

– В Лас-Вегасе. Сам не ожидал, что там окажусь, а то бы позвал тебя. Знакомься, это Джо Пакмелли, я тебе про него говорил.

– Привет, Джо.

– Чего нос повесил? – поинтересовался Уилсон, дружески ткнув его в плечо.

– Да Чарли-то у нас с похмелья! – взвизгнула одна из девиц.

Голос у нее был как велосипедный звонок прямо над ухом.

– Джо Пакмелли и Чарльз Похмельный! – Джо аж затрясся от смеха.

– Ах-ха-ха. – Бруно аккуратно высвободил руку из цепкой хватки девицы с гирляндой цветов вокруг шеи. – Черт, мне надо бежать на поезд.

Состав уже подали на станцию.

– Куда собрался-то? – Уилсон сдвинул черные брови.

– Да надо было повидать одного человека в Талсе, – промямлил Бруно, понимая, что ляпнул «было» вместо «будет».

Следовало уходить от них как можно скорее. От злости ему хотелось расплакаться, замолотить кулаками по грязной красной рубашке Уилсона.

Уилсон повозил ладонью в воздухе, будто стирал Бруно, как меловую линию с доски.

– Ну, катись в свою Талсу!

Бруно медленно повторил его жест, пытаясь выдавить из себя улыбку, и пошел прочь. Он ожидал, что компания увяжется за ним, но они отстали. Уже в дверях вагона он обернулся. Приятели тесной кучкой вкатились с яркого солнца в тень под крышей вокзала. Что это они столпились-то, неужели что-то заподозрили и теперь шушукаются о нем? Бруно вошел в вагон, и поезд тронулся прежде, чем он успел отыскать свое место.

Немного подремав, он проснулся другим человеком. Ровно стучали колеса, за окном прохладная голубизна гор сменялась густой тенью зеленых долин, небо затянули серые тучи. Все это вкупе с холодным воздухом из вагонного кондиционера освежало не хуже ледяного компресса. У Бруно даже разгорелся аппетит. В вагоне-ресторане он пообедал вкуснейшими бараньими котлетами, картошкой фри и салатом, взял пирог из свежих персиков на десерт, запил все это двумя стаканами виски с содовой и вернулся на свое место.

Перед ним стояла цель, и это ощущение, такое незнакомое и сладкое, влекло его вперед, как бурный поток. Глядя в окно, Бруно начал всерьез осознавать

свои намерения. Сегодня он совершит убийство, которое станет не только исполнением давней мечты, но и пойдет на пользу другу. Бруно очень любил радовать друзей. Тем более жертва заслуживала смерти. Подумать только, сколько хороших парней он спасет от ее когтей! Чувство собственной важности кружило голову, и некоторое время Бруно провел во власти счастливого опьянения. Его энергия прежде была рассеяна, она мелкими ручейками текла по земле плоской и унылой, как плато Льяно-Эстакадо за окном вагона. Теперь же эти ручейки собрались в мощный водоворот, воронка которого была направлена в Меткалф. Бруно ерзал на краешке сиденья и жалел, что Гая нет сейчас напротив. Хотя Гай наверняка попытался бы его отговорить. Гай бы не понял, как сильно Бруно этого хочет и как легко ему будет это сделать. Но господи, должен же он понять, как это нужно! Бруно ударил кулаком в ладонь, ему не терпелось добраться до места. Каждый мускул его тела судорожно вздрагивал.

Он вынул листок с досье на Мириам, разложил на пустом сиденье напротив и принялся старательно изучать. Досье было написано чернилами, аккуратным почерком – еще бы, это ведь уже третья копия. Мириам Джойс Хэйнс. Возраст – примерно двадцать два года. Хорошенькая. Рыжая. Невысокая, склонна к полноте. Уже заметная беременность. Любит повеселиться и шумные компании. Возможно, броско одевается. Возможно, короткие кудрявые волосы, химическая завивка. Это все, что было ему известно. Удачно, что она рыжая. Получится ли сделать все сегодня? Главное – ее найти. Не исключено, что придется перебрать всех девиц под фамилиями Джойс и Хэйнс. Наверняка она живет у родителей. Бруно не сомневался, что узнает ее, как только увидит. Сука! Он уже ее ненавидел. Ноги сами подпрыгивали от предвкушения. Мимо проходили люди, но Бруно не обращал на них никакого внимания. Он смотрел только на листок.

В памяти всплыли слова Гая: «Она ждет ребенка». Потаскуха! Такие женщины вызывали лишь ярость и омерзение. Как шлюхи отца, из-за которых школьные каникулы дома превращались в кошмар: Бруно мог только гадать, то ли мать знает о любовницах и лишь притворяется счастливой, то ли она вообще ни о чем не подозревает. Он старался вспомнить свой разговор с Гаем до последнего слова. От этого Гай стал ему еще ближе. Гай, самый достойный человек из всех, кого он встречал. Гай своим трудом заслужил право строить клуб «Пальмира». Бруно хотел бы лично сообщить, что ему не нужно отказываться от проекта.

Наконец Бруно убрал листок в нагрудный карман и откинулся на спинку сиденья, заложив ногу на ногу и сплетя пальцы на колене. В этот момент случайный наблюдатель счел бы его добропорядочным и ответственным

молодым человеком с неплохими перспективами. Пусть цвет лица у него не совсем здоровый, зато взгляд отражал такое безмятежное спокойствие, какое встречалось в людях довольно редко, а в случае с Бруно и вовсе впервые. Прежде он блуждал по жизни, не зная дороги; поиски его не имели направления, а находки – смысла. Случались у него и драмы – Бруно вообще любил драмы и был не прочь спровоцировать скандал между знакомыми или между родителями, – но он всегда устранился от активного участия в них. Это, вкуче с полной неспособностью к сочувствию – даже обиженной отцом матери, – заставляло последнюю считать его склонным к жестокости, а многих других – и вовсе бессердечным. При этом холодный тон малознакомого человека, которому он звонил по телефону одиноким вечером и который не смог или не захотел с ним встретиться, был способен повергнуть Бруно в глубокую меланхолию. Впрочем, об этом знала только его мать. Бруно избегал драм еще и потому, что находил удовольствие в лишении себя ярких эмоций. Он столько раз терпел неудачу в отчаянных попытках придать своей жизни какой-то смысл, в аморфном желании совершить какой-то значимый поступок, что стал лелеять свои разочарования, как делают иногда те, чью любовь не раз отвергли. Он знал, что не способен почувствовать радость от выполнения задуманного. Знал, что четко поставленная цель отбивает у него всю охоту ее добиваться. И все же всегда находил в себе силы прожить еще день. Смерть его не пугала. Она была для него лишь еще одним, пока неизвестным приключением. Если затея несла в себе смертельный риск – тем лучше. Последней из таких была поездка в гоночном автомобиле с завязанными глазами – он просто гнал по прямой, выжав педаль газа в пол. Он не услышал выстрела, которым его приятель давал сигнал остановиться, потому что уже без сознания лежал в кювете со сломанным бедром. Иногда ему делалось до того скучно, что он подумывал об эффектном финале – самоубийстве. Ему не приходило в голову, что бесстрашие перед лицом смерти есть храбрость, что такое безразличие к собственной кончине свойственно индийским мудрецам, что для самоубийства требуется особая, отчаянная решимость. Такая решимость жила в нем всегда. Бруно даже слегка стыдился своих мыслей о самоубийстве, настолько очевидным и скучным казался ему этот шаг.

Однако здесь, в поезде, идущем в Меткалф, у него была цель, было направление. Давно он не чувствовал себя таким живым, настоящим, как люди вокруг, – с той самой поры, когда ребенком поехал с родителями в Канаду на поезде. Он думал, что в Квебеке полно замков и что ему разрешат по ним ползать. Увы, замков не было. Ему даже не дали их поискать, потому что умирала его бабушка со стороны отца, лишь из-за этого они вообще туда поехали, и с тех пор Бруно никогда не возлагал больших надежд на свои

путешествия. До сегодняшнего дня.

В Меткалфе он первым делом взял телефонную книгу и нашел фамилию Хэйнс. Мрачно сдвинув брови, он просмотрел весь список, почти не обратив внимания на адрес Гая. Как и следовало ожидать, никакой Мириам Хэйнс. Женщин по фамилии Джойс нашлось семь, три проживали по одному адресу, Магнолия-стрит, тысяча двести тридцать пять, при этом одна из них значилась как миссис Эм-Джей Джойс. Бруно в задумчивости облизнул верхнюю губу острым языком. Очень вероятно, что это дом Мириам, ведь у ее матери вполне может быть то же имя. Надо посмотреть, что это за улица. Вряд ли Мириам живет в хорошем районе.

Бруно поспешил к стоящему у тротуара желтому такси.

12

Было почти девять. Неторопливые сумерки понемногу превращались в ночь, и в квартале маленьких деревянных хибарок погасли окна. Лишь кое-где у входных дверей горели фонари и кто-нибудь сидел на ступенях крыльца или на качелях.

– Остановите здесь, – велел Бруно таксисту.

Он вышел на пересечении Магнолия-стрит и Колледж-авеню. Номера домов здесь начинались с тысячи. Бруно зашагал вперед.

На пути стояла маленькая девочка, уставясь на него во все глаза.

– А ну! – нервно выпалил Бруно, командуя ей уйти с дороги.

– Здравствуйте, – пролепетала девочка.

Бруно глазел по сторонам. Вот толстый мужчина сидит у вентилятора на освещенном крыльце, вот две женщины на качелях перед домом. То ли он был умнее, чем предполагал, то ли ему просто везло, но интуиция явно его не обманывала: Мириам наверняка жила в этом квартале, более подходящего для

нее места и представить нельзя. Если же нет, он поедет дальше – список адресов лежал в кармане. Вентилятор на крыльце напомнил ему о том, что стоит жара, так что дело не только в лихорадке, которая донимала его всю вторую половину дня. Он остановился и закурил, удовлетворенно отметив, что руки совсем не дрожат. Выпитые с обеда полбутылки развеяли остатки похмелья и привели Бруно в приятное расположение духа. Верещали сверчки, слышно было, как переключаются передачи автомобиля на соседней улице. Из-за угла вышла компания парней, и Бруно встрепенулся, почти ожидая увидеть среди них своего друга.

– Ну ты дупло!

– Иди ты, я ей грю: не водись с тем, кто брата обует и недорого возьмет...

Бруно высокомерно поглядел парням вслед. Они будто говорили на другом языке и не имели ничего общего с Гаем.

Он заметил, что не на всех домах есть номера. А если и нужный ему дом не обозначен?.. Да нет, вот он, номер тысяча двести тридцать пять, четкие металлические цифры над крыльцом. Бруно почувствовал легкий трепет. Когда-то Гай взбегал по этим ступенькам, и уже потому дом был особенным. Хотя на самом деле он ничем не отличался от прочих в этом квартале, разве что грязно-желтая краска на его стенах облупилась сильнее, чем у соседей. Перед домом был лысоватый газон, подъездная дорожка и старенький седан «шевроле». Свет горел в двух окнах – на первом этаже и в угловой комнате на втором. Наверное, там комната Мириам.

Нервной походкой Бруно подошел чуть ближе и стал наблюдать за домом, кусая губу. Вокруг не было ни души, во дворах не горели фонари, светилось лишь одно крыльцо в дальнем конце улицы. Где-то играло радио – то ли в доме Мириам, то ли в соседнем, где был свет в двух окнах на первом этаже. Может, потихоньку зайти сзади по подъездной дорожке и...

Взгляд Бруно метнулся к соседнему дому – там на крыльце вспыхнул свет. Вышли мужчина и женщина: она устроилась на качелях, а он пошел к дороге. Бруно скрылся за выступающим углом гаража.

– Если не будет персикового, возьми фисташковое, – крикнула женщина.

– А мне ванильного прихвати, – пробормотал Бруно и отхлебнул из фляжки.

Пристально рассматривая грязно-желтый дом, Бруно оперся стопой о стену гаража и почувствовал в кармане твердый предмет – шестидюймовый охотничий нож в чехле. Он купил этот нож на вокзале в Биг-Спрингз, но применить собирался лишь в крайнем случае. От ножей ему становилось как-то не по себе. А от пистолета слишком много шума. Как же выполнить задуманное? Ладно, разберемся по ходу дела. А если нет? Он надеялся, что дальнейший план сложится, как только отыщется дом, но вот он, дом, а план все не складывается. Может, дом не тот? А если его сейчас застукают под чужими окнами? Гай рассказал ему слишком мало, почти ничего! Бруно торопливо отхлебнул из фляжки. Нельзя волноваться, так можно все испортить! Колени подкашивались. Он вытер потные ладони о штаны, облизнул дрожащие губы. Вытащил из нагрудного кармана листок с адресами и попытался что-нибудь разобрать в свете уличного фонаря. Слишком темно. Уйти? Проверить другой адрес и вернуться?

Нет, он подождет. Еще минут пятнадцать, может, полчаса.

Еще в поезде Бруно решил, что нападать лучше вне дома, поэтому все его идеи начинались с того, что он к ней просто подходит. Как бы ее выманить, хоть даже на эту улицу – тут достаточно темно, особенно под деревьями. А потом убить ее голыми руками или ударить чем-нибудь по голове. Он поймал себя на том, что подскакивает на месте, имитируя удары, – а прежде и не догадывался, до чего его разбирает предвкушение. Вот обрадуется Гай!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Собачье дерево – народное название кизила в англоязычных странах. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Нактоуз – ящик для судового компаса и навигационных инструментов.

3

Фрэнк Ллойд Райт – американский архитектор начала XX века, основоположник направления органической архитектуры, целью которого является гармония зданий с окружающей их средой.

4

Римская премия – французская награда в области искусства. Лауреаты получали возможность проживания и художественного совершенствования в Риме в течение нескольких лет.

5

Рино – город в штате Невада, в 30–50-х годах XX века известный как «столица разводов». В 1931 году в штате были законом установлены самые либеральные в стране условия для оформления развода. Чтобы развестись по этим правилам,

жителям других штатов достаточно было прожить в Неваде шесть недель. В Рино оформление разводов превратилось в бизнес, предприимчивые жители устраивали специальные «ранчо для разводов», где постояльцы могли выждать необходимый срок.

6

Флоренз Зигфелд – американский импресарио начала XX века, знаменитый серией шоу-варьете «Безумства Зигфелда» на нью-йоркском Бродвее.

7

Шаффлборд – игра, в ходе которой участники передвигают шайбы по размеченному полю на столе или на полу с помощью кия или клюшки соответственно.

8

1/5 галлона примерно равна 750 мл.

Купить: <https://telnovel.com/patriciya-haysmit/neznakomcy-v-poezde-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)